

Г. К. Вернер
ЕНИСЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Под общим названием «енисейцы» енисейские народности (арины, ассаны, кеты, котты, пумпоколы и юги) были впервые объединены Й. Клапротом в 1823 г., хотя бесспорные доказательства их родства по языковым данным были приведены М. А. Кастреном лишь в середине XIX в. Он же впервые использовал термин «енисейский» для обозначения языков этих народностей; так, язык кетов и югов назван у него енисейско-остяцким. Для обозначения всей семьи енисейских языков (Е.я.) термин окончательно закрепился лишь в 1950–1960-х гг. Выбор термина обусловлен тем, что исторически данные языки засвидетельствованы главным образом в бассейне Среднего и Верхнего Енисея.

Название «кеты» (и соответственно «кетский») происходит от слова *keʔt* 'человек'. Оно вошло в обиход лишь при советской власти; раньше кетов и югов по аналогии с хантами и селькупками называли остяками. Некоторые кеты и юги, особенно представители старшего поколения, до сих пор называют себя *ostugyn* 'остяки'.

2. К середине XX в. сохранилось лишь два енисейских языка — кетский и югский. Кетский распространен по Енисею и его притокам от р. Подкаменной Тунгуски на юге до р. Курейки на севере. Наибольшее число кетов сохранилось в пос. Суломай (р. Подкаменная Тунгуска) и пос. Келлог (р. Елогуй).

Югский язык находится на грани полного исчезновения. В свое время его диалекты были распространены от г. Енисейска на юге до с. Ворогова на севере. Кроме того, установлено, что часть югов проживала в прошлом в верховье Кети (правого притока Оби). В настоящее время сохранилось лишь несколько семей югов в с. Ярцеве и с. Ворогове на Енисее, которые родным языком уже не пользуются.

В первой половине XVIII в. были еще распространены следующие Е.я.: аринский — к северу от г. Красноярска, ассанский и коттский — к югу от Красноярска, восточнее Енисея до Кана, пумпокольский — в верховье Кети. Есть основания предполагать, что на некоторых других Е.я. (или диалектах) еще говорили в это время некоторые группы бачатских телеутов (ашкиштимов) и койбалов (койбалкиштимов). Все эти Е.я. исчезли в XVIII в., кроме коттского, который сохранился в живом употреблении до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном в с. Агульском на р. Агул.

Е.я. XVIII в. не исчезли бесследно; материалы по этим языкам дошли до нас в виде немецко-енисейских или латинско-енисейских словариков, составленных исследователями XVIII в. (Д. Г. Мессершмидтом, П. И. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, Е. И. Фишером, П. С. Палласом), которые во время своих путешествий по Сибири работали и среди енисейцев. В настоящее время эти материалы стали достоянием науки благодаря обобщающей публикации А. П. Дульзона. Бесценный материал по коттскому языку собрал и опубликовал в середине XIX в. М. А. Кастрен.

Сведения о распространении Е.я. в прошлом в Сибири дает нам другой источник — енисейская топонимия, тщательно исследованная А. П. Дульзоном. Установлено, что кетско-югские гидронимы на *-ses*, *-lyz* (кет., югск. *ses* 'река'), кроме уже указанных областей расселения кетов и югов, встречаются в значительном количестве на р. Кети,

р. Тыме, в верховьях р. Ваха, на р. Васюгане (левом притоке Оби), на Иртыше, особенно на его правых притоках — Демьянке, Уе, Шише, Туе, Таре, а также в бассейне р. Томи, на территории Хакасии и в Северной Туве. Пумпокольские гидронимы на *-tet* (**tet* 'река') тоже занимают значительную территорию, а именно: верховье Кети, бассейн Чульма ниже г. Асина, а отдельные названия этого типа уходят цепочкой на юг и юго-восток вплоть до Северо-Восточной Тувы. Аринские гидронимы на *-set*, *-sat* (*sat* 'река') плотно представлены в бассейне Средней Оби, в частности, на Кети, Чижалке и Чае; довольно широко распространены и аринские гидронимы на *-kul'* (*kul'* 'вода, река'). В междуречье Кана и Бирюсы распространены коттские гидронимы на *-set* (*set* 'река'). Небольшой ареал этих же гидронимов находится западнее Томи. Ассанские гидронимы на *-ul* (*ul* 'река, вода') занимают довольно обширный ареал, растянувшийся от Кана на востоке до бассейна Томи на западе.

Все Е.я. (кроме кетского) бесписьменны. Есть, правда, предположение, что древние енисейцы могли иметь письменность, поскольку ко времени возникновения орхон-енисейской письменности они находились в районе ее создания, но это предположение пока не подтверждено конкретными фактами.

3. О числе говоривших на мертвых Е.я. точных сведений не сохранилось; современных кетов и югов, по данным переписи населения СССР 1989 г., насчитывается 1113 человек, причем югов осталось не более 15–20 человек; из них родным языком практически никто не владеет.

4. Е.я. образуют совершенно изолированную в генетическом отношении семью. О предполагаемых древних генетических связях енисейцев и их языков выдвинут целый ряд гипотез, которые основываются главным образом на сравнении данных кетского (отчасти коттского) языка с языками Юго-Восточной Азии, баскским, северо-кавказскими, сино-тибетскими, индоевропейскими, бурушаски, ностратическими и т. д. (М. А. Кастрен, Й. Бэрн, Г. Рамстедт, А. Тромбетти, К. Доннер, Г. Коллинз, М. Деникер, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Г. Богораз, С. И. Вайнштейн, Р. В. Николаев, Н. Я. Марр, О. Г. Тайфер, А. П. Дульзон, Л. Лигети, Э. Г. Паллиблэнк, С. А. Старостин).

Не все наблюдающиеся лексические параллели с другими языками можно возводить к определенной эпохе и определенной группе языков. Не исключено, например, что некоторые очень древние заимствования восходят к общеностратической эпохе. В этом плане можно рассматривать некоторые енисейские грамматические показатели местоименного происхождения, например, исходные указательные слова с огласовкой *i* 'этот' (ближний), и *'этот* (подале), а *'тот* (дальний), точно совпадающие в Е.я. и в реконструированном праностратическом языковом состоянии, а также материальную близость некоторых элементов в структуре личных местоимений. Наблюдается и значительное количество енисейско-ностратических лексических параллелей. Отмечаются также словарные общности между Е.я. и северо-кавказскими, Е.я. и сино-тибетскими языками.

Однако в условиях отсутствия хотя бы предварительных общенисейских реконструкций, в частности в области фонетики и лексики, а также без ретроспективного снятия различных наслоений субстратного и/или суперстратного характера как результата длительных исторических контактов Е.я. с языками других генетических групп, все выдвинутые гипотезы не могут быть подкреплены надежными языковыми фактами. Исключением в этом отношении является лишь гипотеза С. А. Старостина (1984). Кроме того, решение таких сложных проблем требует комплексного подхода с использованием данных смежных наук — истории, археологии, этнографии, антропологии, мифоло-

тии и т. д.; построения, основывающиеся лишь на лингвистических и — уже — лексических материалах, всегда будут оставаться в области гипотез. Не исключено, что Е.я., как и некоторые другие изолированные языки (бурушаски, эламский и др.), представляют собой островок так называемого «палеоевразийского» субстрата, который следует возводить непосредственно к архаическому языковому состоянию древней Центральной Азии.

Вопросы членения енисейской языковой общности не нашли пока однозначного решения. У некоторых исследователей продолжает вызывать сомнения статус ассанского, пумпокольского и югского как самостоятельных Е.я.

По сохранившимся материалам XVIII в. коттский и ассанский языки очень близки друг другу, что как раз и служит порой основанием для их объединения в один ассано-коттский язык. Однако четко отграниченные друг от друга ареалы ассанских и коттских гидронимов, различия в фонетике, лексике и грамматике заставляют рассматривать их как два самостоятельных енисейских языка, образующих ассано-коттскую группу. Кроме того, исторические источники позволяют предполагать, что ассаны и котты сами себя осознавали как разные народности и осознавались таковыми со стороны своих соседей.

Несколько сложнее вопрос о пумпокольском языке. По мнению О. Тайёра, его следует рассматривать как диалект кетского языка. Этот вывод основан на анализе материалов XVIII в. с пометой «пумпокольский», но без учета того, что большая часть этих материалов, полностью идентичная соответствующим югским и кетским словам, в действительности не имеет никакого отношения к пумпокольскому языку. Дело в том, что помета «пумпокольский» носила часто не языковой, а территориальный характер, т. е. указывала на то, что соответствующее слово было записано в пумпокольской («остяцкой») волости, а в этой волости (в верховье Кети) пумпоколы жили вперемешку с югами. И если сделать строгий отбор исконно пумпокольской лексики (с учетом отмеченного факта), то оказывается, что она более всего сближается с лексикой аринского, но не югского или кетского языков. Близость этих двух языков, которые, очевидно, образовывали аринно-пумпокольскую группу в составе енисейской языковой общности, обнаруживается, например:

(1) в наличии общих слов, которые отсутствуют в других Е.я. (ср. слова для «брат», «веревка», «голова», «дева», «Камень» и др. в материалах XVIII в.);

(2) в фонетических особенностях, отличающих эти два языка от других Е.я., а именно: а) сохранении инициальных согласных арин. *k*, пумп. *h*, например: арин. *kina*, пумп. *hneap* при асс. *yna*, *in'e*, кот. *in'a*, кет. *ynam*, югск. *une* 'два'; б) наличии синкопы, которой нет в других Е.я.: арин. *t'a:ma*, пумп. *iam-xo*, асс., кот. *tegama*, кет. *tagum* 'белый'; в) одинаковых соответствиях в вокализме: арин. *atie*, пумп. *atodu*, асс. *editu*, *etitu*, кот. *edti*, кет. *eddi*, югск. *e:tedu* 'живой'; арин. *raj*, пумп. *baj*, асс. *pej*, кот. *pej*, кет., югск. *bej* 'ветер'; арин. *piep*, *pep*, пумп. *biq*, асс., кот. *paq*, кет., югск. *ba?g* 'земля';

(3) в наличии смежных ареалов гидронимов в междуречье Енисея и Оби.

Конечно, различия между аринским и пумпокольским более существенны, чем различия между ассанским и коттским языками; тем не менее, у них наблюдаются специфические особенности, по которым они оба отличаются от других Е.я. и которые позволяют выделить их в особую группу.

Со времен М. А. Кастрена югский язык рассматривался как сымский диалект кетского языка. Эта точка зрения господствовала до 1960-х гг., когда новейшие исследования по югам и их языку заставили абсолютное большинство исследователей, в том числе

Е. А. Крейновича и, видимо, А. П. Дульзона отказаться от традиционного взгляда и признать язык югов самостоятельным енисейским языком. Новая точка зрения на язык «сымских кетов» (т. е. югов) основывается не только на существенных различиях в фонетике, грамматическом строе и лексике двух языков — кетского и югского, — почти исключаящих взаимопонимание их носителей, но и на фактах культурно-исторического порядка: наличие у этих двух народов разных самоназваний (*keʔt* и *juʔk*); существование представления у них друг о друге как о разных народах, что, кстати, отражено и в мифологии, в частности, в мифе о гибели югов; различия в этноисторическом плане и т. д. Следовательно, два эти языка образуют кетско-югскую группу.

В целом можно, таким образом, исходить из следующего членения енисейской языковой семьи: (1) ассано-коттская группа языков (ассанский и коттский языки); (2) арино-пумпокольская группа языков (аринский и пумпокольский языки); (3) кетско-югская группа (кетский и югский языки).

5. Хронология разделения общенисейского праязыка на указанные группы языков, а групп — на отдельные языки, требует специальных исследований. В этой области имеется пока только одна работа М. М. Костякова, которая основывается на лексикостатистических данных, полученных по методу М. Сводеша. Анализу подвергнута лексика коттского, кетского и югского языков, словарь которых представлен наиболее полно. По полученным результатам коттский язык отделился от кетского и югского более 2000 лет тому назад (период активизации гуннов в Центральной Азии), а кетский от югского — менее одного тысячелетия. Несмотря на условный и приблизительный характер этих данных, они несут все же известную объективную информацию о хронологии разделения общенисейского языка.

6. Типичные фонетико-грамматические характеристики.

Фонетика

По своему консонантному коэффициенту (югский язык — 1,27, кетский язык — 1,29), но особенно по высокой частоте переднеязычных шумных смычных и аффрикат (югский язык — 16%, кетский — более 14%) Е.я. отличаются от окружающих языков, хотя по другим фоностатистическим данным обнаруживают поразительное сходство с ними.

Различие между кетским и югским языками объясняется ротацизмом $d > r$, $r' > r$ в интервокальной позиции. Можно также предполагать спирализацию $d, t > s, \dot{s}, j$, если учесть межязыковые соответствия $t : s, \dot{s}; d : j, \dot{y}$. В Е.я. исторически засвидетельствовано пять рядов шумных смычных — лабиальный, дентальный, палатальный, велярный, вуларный. К общим ареальным особенностям данного региона можно также причислить ларингализацию-фарингализацию.

Из других особенностей енисейского консонантизма следует выделить следующие две тенденции: а) к устранению скоплений согласных в начале и конце слогов (кроме двусогласных стыков слогов внутри слов); б) к разграничению финалей и инициалей: так, за известными исключениями, согласные r, l, m, n, η, j встречаются только в начале слогов; b, d, g, p^h, t^h — в начале слогов (звонкие чаще внутри слов).

Для енисейского вокализма характерны четыре ступени подъема языка и наличие чередований аблаутного характера. Обе эти особенности исторически связаны со слоговой акцентуацией (слоговыми тонами), которая резко отличает Е.я. от окружающих, в которых в свою очередь представлена гармония гласных, отсутствующая в Е.я.

В Е.я. широко используются слоговые тоновые оппозиции для дифференциации лексических единиц и форм числа имени, например: юж.-кет. *'s'ul'* 'кровь', *'s'u?l'* 'нелма', *'s'u:l'* 'нарта', *'s'ul'* 'крюк для детской люльки'; югск. *'tap'* 'обруч', мн. ч. *'ta:p'*.

Морфология

Формальные способы выражения грамматических значений в Е.я. типологически весьма своеобразны. По строению глагольных и именных словоформ Е.я. являются языками агглютинативного типа; в их морфологии представлена и суффиксация, и префиксация, и инфиксация, хотя эти приемы и варьируют от языка к языку. Так, в кетско-югской группе наблюдается, как правило, префиксация лично-субъектных глагольных показателей (югск. *d-uragu?ŋ* 'я мою', *k-uragu?ŋ* 'ты моешь', *d-uragu?ŋ* 'он моет', *da-uragu?ŋ* 'она моет', *d-uraguŋŋ* 'мы моем', *k-uraguŋŋ* 'вы моете', *d-uraguŋŋ* 'они моют'), тогда как в других Е.я. преобладает в соответствующих случаях суффиксация (кот. *urka:k-ŋ* 'мою я', *urka:k-u* 'моешь ты', *urka:k* 'моет она/он', *urka:g-an-top* 'моем мы', *urka:g-an-og* 'моеге вы', *urka:g-an* 'моют они'). Иногда к первому типу причисляют пумпокольский язык, опираясь при этом на анализ югских форм, включенных ошибочно в пумпокольский словарь; ср., однако, парадигму пумпокольского глагола 'стоять', приводимую А. П. Дульзоном.

Несмотря на довольно развитую морфологию (система склонения и глагольного спряжения), Е.я. характеризуются известной размытостью границ между традиционно выделяемыми частями речи. В случаях типа югск. *i?r* 'песня', 'петь', 'певчий' целесообразней поэтому говорить не об омонимии в обычном смысле, а об исходном синкретизме, когда подобные слова-синкреты трудно строго соотнести с традиционно выделяемыми кардинальными частями речи — существительными, глаголами, прилагательными, наречиями. Отсутствие четкого отграничения существительных от прилагательных и глаголов, глаголов от прилагательных, прилагательных от наречий — характерная особенность Е.я. Основываясь на фактах коттского языка, М. А. Кастрен писал, что поскольку все корневые слова являются, собственно, субстантивами, то именованная субстантивность является исконным значением коттских знаменательных слов. Енисейское слово соотносится с той или иной традиционной частью речи лишь в зависимости от своей функциональной характеристики в предложении и соответствующей морфологической оформленности; сравним следующие примеры: югск. *ures* 'дождь', *tuda urezdaŋ* 'это к дождю', *urači* 'дождь идет', *uro:rči* 'дождь шел'; кот. *hama: het* 'хороший человек', *hama:-taŋ* 'я хороший', *hama?ata:kŋ* 'я его люблю'; югск. *xe? dyl* 'большой ребенок', *bu xe:s* 'он начальник' (букв. 'большой'), *xe:di:je* 'я расту'; югск. *va:p* 'дома', *xa:bdi* 'я дома', *di-xa:pzaŋ* 'я захожу (домой)'; югск. *da?x* 'жить', 'жизнь', *dya-dx* 'я живу', *do:r-dx* 'я жил'; кет. *do?n* 'нож', *do?n dibbet* ~ *dons'ivut* 'я нож делаю'.

Наиболее легко категориальная принадлежность, несомненно, устанавливается у енисейских субстантивов, потому что, кроме всего прочего, они охвачены четкой именной классификацией; каждое существительное обязательно относится к одному из трех классов — мужскому, женскому или вещному. За этой именной классификацией просматривается четкая оппозиция «одушевленный/неодушевленный» («активный/инактивный»), хотя сохранились и реликты более дробной классификации именной лексики в древности. Любопытно, что огромное число русских заимствований в современном кетском и югском языках, как правило, меняют свои родовые характе-

ристики в соответствии с семантическими основаниями классификации исконно енисейской именной лексики этих языков. Классная система пронизывает в Е.я. всю морфологию имени и глагола. Классная принадлежность имени маркируется морфологически; хотя в структуре самого имени в форме основного падежа нет формальных классных показателей, эту информацию несут падежные показатели и грамматические форманты в структуре слов, согласующиеся с именем (глагол, местоимения, числительные, прилагательные/наречия).

В сфере имени можно в зависимости от классной принадлежности существительных говорить о женском, мужском и вещном склонении, если учитывать парадигмы ед. и мн. числа: в ед. числе выражена оппозиция «мужской/немужской», а во мн. числе — «вещный/невещный»:

Ед. число		Мн. число	
(I) мужской		мужской	}
(II) немужской	{	женский	
		вещный	вещный (II)

Доминирующей во всей падежной системе является оппозиция «основной падеж/родительный падеж», так как все прочие падежи основываются на этих двух падежах, а именно: на родительном — дательный, местно-личный, исходный, предназначительный, а на основном — местно-пространственный, орудно-совместный, продольный, лишительный и звательный. Статус некоторых енисейских падежей неясен, так как не установлены критерии для отграничения падежных форм от послеложных конструкций, а притяжательных форм имени — от форм родительного падежа (по своему звуковому оформлению показатели родительного падежа и посессивные префиксы, как правило, совпадают).

Общие черты эволюции енисейского склонения сходны с соответствующими явлениями в ностратических языках. Так, для Е.я. реконструируется два ряда личных местоимений, обозначавших соответственно субъект состояния и субъект действия. Позднее местоимения активного ряда, обозначавшие субъект действия, переосмысливаются в формы родительного (< активного~эргативного) падежа соответствующих личных местоимений (а формы местоимений 3-го лица становятся также показателями родительного падежа имени). Дальнейшее развитие енисейского склонения связано с формализацией послелогов, с их превращением в известных случаях в падежные показатели. При этом наблюдается полная аналогия с ностратическими языками и в том, что часть послелогов сливается с именем непосредственно, а другие — с помощью посредника, формантов родительного падежа.

У енисейских личных местоимений можно отметить еще следующую важную особенность: отсутствие формы личного местоимения 3-го лица для замещения неодушевленных существительных.

Сохранились некоторые черты классной дифференциации в способах образования форм числа существительных. Так, в кетском, коттском и югском языках среди разнообразных способов образования мн. числа существительных (чередование корневых гласных, чередование согласных финалей, супплетивизм, чередование акцентуационных типов и др.) доминируют суффиксы *-л*, *-л̄*; при этом показатель *-л* получают, как правило, одушевленные, а *-л̄* — неодушевленные существительные, если выбор этих грамматических показателей не обусловлен иными факторами, например, фонетическими.

В системе глагольного формообразования классная дифференциация наиболее полно представлена в лично-субъектных и лично-объектных показателях 3-го лица, особенно в кетском и югском языках. Личные показатели в Е.я. представлены двумя сериями, получившими в литературе условные названия Б и Д. В кетско-югской группе показатели серии Б выступают лишь в качестве префиксов и инфиксов, а в коттском — в виде инфиксов и суффиксов (см. выше). Показатели серии Д представлены в кетско-югской группе в виде префиксов, инфиксов и суффиксов, а в коттском — только в виде суффиксов. В качестве суффиксов показатели серии Д встречаются во всех Е.я. в предикативных синтагмах типа кот. *ти* 'здесь', но *ау ти-тау* 'я здесь', и *ти-и* 'ты здесь', *иш ти-ти* 'он здесь', *иша ти-та* 'она здесь', *ишау ти-тау* 'они здесь' и т. д.; ср. кет. *ақта-ди* 'я хороший', *ақта-уи* 'ты хороший', *ақта-ди* 'он хороший', *ақта-да* 'она хорошая', *ақта-т* 'это хорошее'. Собственно, в коттском и, видимо, в других исчезнувших Е.я. показатели серии Д представлены только как предикативные суффиксы.

Глагольная система в Е.я. необычайно сложна. Даже в кетском и югском языках, несмотря на накопленный огромный материал, до сих пор практически не выявлены все типы глагольного спряжения, так как любой новый глагол в речи кетов и югов может неожиданно продемонстрировать свою особую структуру. Число словоформ у переходного глагола может достигать нескольких сот (при учете различий по лицу, числу, времени, виду и т. д.).

Другая особенность енисейских глагольных форм состоит в том, что в них размыты границы, во-первых, между процессами слово- и формообразования, а во-вторых — между собственно временными и видовыми оттенками значения, и эти явления предстают скорей в виде недифференцированных образований с широкой семантикой, хотя, с другой стороны, наблюдается необычайно детализованная, конкретизированная передача способа действия. Последнее особенно характерно для глаголов, обозначающих различные виды хозяйственной деятельности или передвижения в пространстве.

С глагольными показателями Б и Д исторически связаны две серии глагольных форм. Учитывая, что показатели Б полностью совпадают с формантами родительного падежа и притяжательными префиксами, а показатели Д — с формантами, оформляющими предикативные компоненты в составе предикативных синтагм типа кот. *ш'р казакти* 'сын молодой (есть)', *ропе:џа коашта* 'сестра красивая (есть)', можно предполагать, что показатели Б оформляли формы действия, а показатели Д — формы состояния (это, впрочем, не противоречит более поздней инновации в кетском и югском, где показатели Д часто уже переосмыслены). Таким образом, проблема показателей Б и Д оказывается тесно связанной с вопросом об исконном строе праенисейского предложения в плане контенсивной типологии (активный, эргативный или номинативный строй)

Синтаксис

Данные показывают, что активной или эргативной конструкций как таковых в Е.я. нет, но наблюдаются некоторые черты, сближающие их с языками данной типологии. В коттском языке сохранились в качестве лично-субъектных только глагольные показатели серии Б, полностью совпадающие, как уже говорилось, с формантами родительного падежа, т. е. сохранился тип посессивной конструкции, ср.: осн. *аі* 'я' — род. *аиу*, *ага'а'к* 'рубить дрова' — *ага'а:кау* 'рублю дрова' (но *пайтеп* 'я хочу', букв. 'мое желание', а также *па:та* 'моя мать', *пор* 'мой отец' и т. д.).

В простом предложении Е.я. доминирует глагольная форма, а именные (или местоименные) члены обычно конкретизируют различные глагольные показатели. В глагольной словоформе наблюдается поэтому тенденция к отражению в ее составе всех элементов предложения, и она уже сама по себе — предложение, так как содержит указание и на субъект, и на прямой объект.

Объединение простых енисейских предложений в сложные осуществляется соединением и подчинением. Конкретно выявлены следующие приемы организации сложных предложений: а) только посредством интонации: кет. *Haraito:polok, ala:ten* 'Он поел, он лег спать'; югск. *ʔm sim ɕi:sou:rgen, ʔnnaŋ duŋyn bə:s'e* 'Мы бы рыбу добывали, у нас самоловов нет'; б) посредством союза и интонации: югск. *Askej bam dɕ:ne, abaq byle dɕŋ sikŋ* 'Когда умерла моя мать, мне было три года'; в) посредством падежного показателя и интонации: кет. *Axanə deʔŋ ʔn'digaʔ, ʔn ekŋ bi:mnem* 'С тех пор как охотники ушли, прошло два дня'; г) посредством служебного слова и интонации: кет. *Savats'i:s tavʔot baʔŋ, ʔm s'ɔ:ŋ duŋin* 'Где кучка вещей лежит, там мыши живут'.

Кроме русских союзов *i, da, ili* и др., употребляющихся в Е.я., отмечены лишь немногие союзы, восходящие к енисейским наречиям или послелогам, и выделение исконо енисейских союзов в обшкатегориальном плане весьма проблематично. При оформлении сложных предложений употреблялись не союзы, а морфологические материальные средства; но основная масса енисейских сложных предложений характеризовалась вообще отсутствием каких-либо специальных материальных связующих элементов (признак довольно позднего происхождения енисейского гипотаксиса вообще). Первыми признаками гипотаксиса можно считать присоединение специальных морфологических показателей связи между частями сложного предложения к словоформе зависимого предиката.

Лексика

Наиболее поздними иноязычными элементами в Е.я., несомненно, являются русские; их особенно много в современных языках* — кетском и югском, слова из общественно-политической, административно-хозяйственной, культурной и бытовой областей свободно заимствуются.

Важное место занимают заимствования из соседних уральских и алтайских языков, проникновение которых в Е.я. началось в глубокой древности и продолжается в известной мере до сих пор, если учесть современные кетско-селькупские и кетско-эвенкийские контакты (смешанные браки, совместная хозяйственная деятельность, совместное проживание и т. д.).

Из наиболее характерных особенностей организации лексики Е.я. следует отметить следующие.

1) Случаи лексической недифференцированности слов как результат нерасчлененного отображения енисейским языковым сознанием соответствующих понятий (кет. югск. *bəʔp* 'зять, дядя, муж старшей сестры'; *bis'ep* 'брат, сестра'). Как уже отмечалось, эту особенность Е.я. наглядно иллюстрируют примеры синкретизма частей речи типа кет. *kaʔ*, югск. *ka:r* 'война, битва, сражение, бой, воевать, военный, боевой и т. д.'. Эти явления трудно поддаются определению их как случаев омонимии либо полисемии (типа югск. *ɕep* 'дед', 'луна').

2) Обратные случаи — чересчур дробная лексическая дифференциация слов, что выражается в отсутствии обшкородовых понятий при наличии целого ряда видовых, напри-

мер: кет. *his* 'хвост птицы', *hodap* 'хвост рыбы', *hu:t* 'хвост животного'; югск. *beʔt* 'снег, падающий хлопьями', *tik* 'снежный покров на земле', *təxru:l* 'снег на ветвях деревьев' и т. д.

3) Слабое развитие словообразования. Отсутствие продуктивных деривационных аффиксов компенсируется в значительной мере различными полуаффиксами, возникшими на основе широкого распространения определительного словосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ, 1974, № 1.
- Вернер Г. К. Сравнительная фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Дуляков А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
- Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Костяков М. М. Время расхождения кетского и коттского языков по данным лексикостатистики // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979.
- Поляков В. А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987.
- Поротова Т. И. Категория множественности в енисейских языках. Томск, 1990.
- Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Bouda K. Die Sprache der Jenissejer // *Anthropos*, 1957, 52.
- Castren M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.
- Tailleur O. G. Contribution à la dialectologie iénisséienne: les parlers denka et poumpokolsk // *Communication et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale*. Louvain, 1964.
- Tailleur O. G. Traits paléo-eurasien de la morphologie iénisséienne // *Études finno-ougriennes*, Paris, 1994, t. XXVI.
- Werner H. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1994.
- Werner H. Vergleichende Akzentologie der Jenissej-Sprachen (в печати).
- Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995.

Г. К. Вернер

КЕТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Кетский язык (К.я.) — это язык самой северной енисейской народности — кетов, сохранившейся до настоящего времени в Туруханском и отчасти Байkitском районах Красноярского края. Название народности происходит от слова *keʔt* 'человек'. Раньше кетов называли енисейскими остяками (в отличие от селькупов и хантов, которых называли обскими остяками), а К.я., соответственно, енисейско-остяцким.

мер: кет. *his* 'хвост птицы', *hodap* 'хвост рыбы', *hu:t* 'хвост животного'; югск. *beʔt* 'снег, падающий хлопьями', *tik* 'снежный покров на земле', *təxru:l* 'снег на ветвях деревьев' и т. д.

3) Слабое развитие словообразования. Отсутствие продуктивных деривационных аффиксов компенсируется в значительной мере различными полуаффиксами, возникшими на основе широкого распространения определительного словосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ, 1974, № 1.
- Вернер Г. К. Сравнительная фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Дуляков А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
- Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
- Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Костяков М. М. Время расхождения кетского и коттского языков по данным лексикостатистики // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979.
- Поляков В. А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987.
- Поротова Т. И. Категория множественности в енисейских языках. Томск, 1990.
- Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Bouda K. Die Sprache der Jenissejer // *Anthropos*, 1957, 52.
- Castren M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.
- Tailleur O. G. Contribution à la dialectologie iénisséienne: les parlers denka et poumpokolsk // *Communication et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale*. Louvain, 1964.
- Tailleur O. G. Traits paléo-eurasien de la morphologie iénisséienne // *Études finno-ougriennes*, Paris, 1994, t. XXVI.
- Werner H. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1994.
- Werner H. Vergleichende Akzentologie der Jenissej-Sprachen (в печати).
- Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995.

Г. К. Вернер

КЕТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Кетский язык (К.я.) — это язык самой северной енисейской народности — кетов, сохранившейся до настоящего времени в Туруханском и отчасти Байkitском районах Красноярского края. Название народности происходит от слова *keʔt* 'человек'. Раньше кетов называли енисейскими остяками (в отличие от селькупов и хантов, которых называли обскими остяками), а К.я., соответственно, енисейско-остяцким.

1.1.2. К.я. относится к числу енисейских языков, вместе с югским языком образует кетско-югскую группу в рамках енисейской семьи.

1.1.3. Исторически кетский и югский языки были распространены и в других районах Средней Сибири, о чем свидетельствует ареал распространения кетско-югских притонов на *-ses ~ -sis* (*s'e:s'* 'река'), выявленный А. П. Дульзоном.

По данным переписи 1989 г. кетов насчитывается 1100 человек, из них родным К.я. считают 48%.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Современный К.я. представлен тремя диалектами: южнокетским, распространенным от р. Подкаменной Тунгуски до р. Елогуя, среднекетским (нижнеимбатским) распространенным от с. Сургутихи до г. Туруханска, и севернокетским, распространенным по р. Курейке и на оз. Мундуйском. Внутри южнокетского диалекта можно выделить говор Подкаменной Тунгуски и говор Елогуя, а в среднекетском — южный говор (Сургутиха) и северный говор (от Верещагина до Туруханска).

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. К.я. служит средством общения, как правило, в неофициальной обстановке. В официальной обстановке средством общения служит русский язык (все кеты хорошо владеют русским).

1.3.2. О наличии наддиалектных форм К.я. сведений нет.

1.3.3. Учебный процесс в школе ведется на русском языке, хотя в настоящее время К.я. преподается как предмет в начальных классах.

1.4.0. В начале 30-х гг. XX в. был разработан первый кетский алфавит на основе латиницы; вскоре развитие письменности было прервано. В 1980-е годы был введен новый алфавит на кириллической базе, возобновлено издание учебной литературы. Издаются школьный словарь, букварь и учебники для начальных классов.

1.5.0. О периодизации истории К.я. сведений нет.

1.6.0. Можно предполагать, что некоторые внутривидовые явления в К.я. обусловлены длительными историческими контактами с самодийскими языками, особенно с селькупским, но исследование этого вопроса только еще начинается.

2.0.0. Лингвистическая характеристика (основывается на данных среднекетского диалекта).

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Вокализм представлен довольно развернутой симметричной системой, включающей 12 гласных фонем.

Г л а с н ы е

Подъем		Ряд		
		Передний	Средний	Задний
Верхний		<i>i</i>	<i>y</i>	<i>ɨ</i>
Средний	Закрытый	<i>e</i>	<i>ɤ</i>	<i>o</i>
	Открытый	<i>ɛ</i>	<i>ɛ</i>	<i>ɔ</i>
Нижний		<i>a</i> (=ɶ)	<i>a</i>	(<i>d</i>)

Специфическими являются гласные *ɤ*, *ɛ*, отмеченные только в кетском и югском языках.

Согласные

По способу образования		По месту образования						
		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные		Фарингальные	Ларингальные
					Велярные	Увулярные		
Шумные	Смычные	<i>b p</i>	<i>d t</i>		<i>g k</i>	<i>g q</i>		ʔ
	Щелевые	(<i>v</i>)	<i>s s'</i>		(<i>ʔ</i>)	<i>x</i>	<i>h</i>	
	Смычно-щелевые		(<i>t</i>)					
Сонанты	Носовые смычные	<i>m</i>	<i>n n'</i>		<i>ŋ</i>			
	Боковые		<i>l l'</i>					
	Щелевые			<i>j</i>				

2.1.2. Для К.я. характерна система слоговой акцентуации, представленная четырьмя слоговыми тонами: ¹*hi*: 'ягода черемухи', ²*di*? 'дым', ³*bá:t* 'старик', ⁴*e:dá* 'соболь'. Характеристику тонов можно представить в виде следующей таблицы (среднекетский диалект):

Дифференциальные признаки	Тоны			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
Циркумфлексный контур	-	+	+	+
Высокий регистр	+	+	+	-
Отрывистость	-	+	-	-

Поскольку в многосложных словах тональные оппозиции, как правило, нейтрализуются, то в целом тональная система несет на себе незначительную функциональную нагрузку.

Ударение в словах является свободным: *s'abót* 'скарб', *ássano* 'промышлять', *usálgat* 'маленькие) березки'. В ударном слоге преобладают динамические характеристики, кроме случаев реализации двух особых краткосложных акцентных типов: при одном из них наблюдается повышение основного тона голоса на первом (ударном) слоге, при другом — на последнем (ударном) при одинаковой интенсивности в обоих слогах: *qórqin* 'кукушка', мн. ч. *qórqin*'.

2.1.3. Качественная и количественная характеристика гласных зависит: а) от позиции по отношению к ударению, б) от фонетических особенностей слоговых тонов. Так, в безударной позиции К.я. различает лишь гласные *i, e, y, u, o, ə, a*.

Влияние слоговых тонов на вокалический фонемный базис заключается в том, что первый тон сужает, а остальные — расширяют гласные: ¹*e:j* 'язык' — ²*e?j* 'яйцо'; ¹*qɔ* 'рот' — ²*qɔ?* 'звезда' — ³*qɔ*: 'добывать (охотой)'. При расширении гласного в рекурсии, особенно с наступлением фарингализации (или ларингализации) у второго тона, он может восприниматься как дифтонгонд: ²*deä?* 'озеро', ²*tɔat* 'таймень', ²*duo?* 'дым'.

Длительность гласных в К.я. обусловлена тонами, в частности первым, третьим и четвертым. Однако в многосложных словах при нейтрализации тональных оппозиций длительность становится фонологически релевантным признаком гласных: *a:jeŋ* 'мешки' — *a:jeŋ* 'кузнечные мехи'.

Исторические чередования гласных аблаутного характера также возникли под влиянием слоговых тонов: ¹*s'e:s'* 'река', мн. ч. ⁴*s'a:s'e*; ¹*i?* 'имя', мн. ч. ²*e?ŋ*.

Употребление согласных определяется следующими фонетическими явлениями.

1) К.я. не терпит скопления согласных. Сочетания двух согласных могут, как правило, встречаться только на стыке слов и слогов. Исключениями являются сочетания с сонантами *l, n, ŋ* в исходе слов. Кроме того, существуют ограничения в употреблении

согласных в зависимости от начала и конца слова: *m, n, n', ɣ, p, j*, как правило, могут встречаться только в конце, а звуки *b, d, h* — в начале слов.

2) Оглушение звонких шумных после глухих согласных (*s'e:s'-tiŋəl'* [< *diŋəl'*] 'с реки') и в исходе слов.

3) Оглушение сонантов *n, n', l, l', ɣ* после шумных согласных в исходе слов. Это сопровождается нередко апокопой соответствующего сонанта: *dəl'git* 'ива', мн. ч. *dəl'git* < *dəl'gitn*

4) *h > B* между гласными: *qaŋan* 'немой' < ²*qa*' 'слово' + *-han* (показатель личного падежа).

5) *b, g, ɣ > v, ɣ, B* между гласными и сонорными: *obaŋ* ~ *ovaŋ* 'отцы', ²*aʔq* 'деревья' — *aBassej* 'дрова готовить'.

6) Синкопа и апокопа согласных *p, k, g (ɣ), q, B, h*: *ta:ŋə* 'собачья упряжка' < ³*ta* 'собаки' + ⁴*a:ŋə* 'веревка'; *ta:* 'посох' < *taha*, ³*tu:n'* < *tuyni* 'гребень'.

7) *b > m* перед *n*, а *bn > m* перед *d*: *dejs'komdaq* < *dejs'kobndaq* 'я бросил это'.

8) *k > q* перед *q*: *l'aqqəm* 'селькупка' < ²*l'aʔk* 'селькуп' + ¹*qi:m* 'женщина'.

9) *q, B* подвергаются полной ассимиляции после *n, n', ɣ, s, s'*: *baŋŋus'* 'землянка' < ²*baʔŋ* 'земля' + ²*quʔs'* 'чум'.

10) *s, s' > č, ts* после *n, n', l, l'*: *bən'čə* ~ *bən'tsə* 'нет'.

2.1.4. Слоги со структурой CVC, CV, VC преобладают в К.я. Реже встречается структура V. В случаях префигирования лично-субъектных показателей глагола и образования притяжательных форм имени допускаются структуры CCV, CCVC: *ts'ilinoq* 'я провел лето'

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Корневые и служебные морфемы К.я., как правило, односложны и могут иметь структуры CVC, CV, VC, V. Двусложные морфемы исторически восходят: 1) к сложным словам, включая служебные морфемы, например, двусложные падежные показатели: *-diŋəl'* (показатель исходного падежа) < *-di* + *ŋə* + *əl'* [< *ɬ'* 'вне, снаружи']; 2) к переосмысленным словоформам: *bə:m* 'ленок' (< *bə:t* + показатель мн. числа -n), мн. число *bynəŋ*. В результате синкопы многие такие двусложные образования стали односложными: ³*ta:l'* 'собачий корм' < ²*taʔp* 'собаки' + ¹*u:l'* 'вода'.

В К.я. нередки случаи, когда морфема — и корневая и служебная — состоит из одной фонемы, гласной или согласной.

2.2.2. Фонетико-фонологическое различие между корневыми и соответствующими им аффиксальными морфемами может выражаться в опрошении последних, ср. ²*keʔt* 'человек', но *dɤŋit* 'юрак' < *dɤj* + ²*keʔt*.

2.2.3. На уровне фонем наблюдаются чередования аблаутного характера, чередования чисто морфонологического, а также морфонологического типа, ср. ³*ta:l'* 'выдра', мн. ч. *taŋq*; ⁴*s'e:l'* 'олень', мн. ч. ²*s'eʔn* и т. д.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По определению А. П. Дульзона, К.я. — аффилирующий язык агглютинативного типа; превалирует префиксация и инфиксация у глагола и суффиксация — у имени.

2.3.1. Для К.я. характерна слабая расчлененность слов в общекатегориальном плане. Морфологически оформлены лишь имена существительные, глаголы и личные местоимения. Тем не менее, при учете функциональной характеристики слов в предложении можно выделить четыре кардинальных части речи — имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие — и, кроме того, еще местоимение (в том числе местоимения личные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные), имя числительное, послелог, частицы, междометие. Роль союзов выполняют наречия и послелоги; некоторые союзы заимствованы из русского языка.

2.3.2. Для имен существительных характерна четкая именная классификация: различаются имена мужского, женского и вещного классов. Семантические основания именной классификации не вполне ясны; эта классификация мотивирована лишь там, где в ее основе лежат реальные различия, например, денотативная соотнесенность мужского класса с существами мужского пола, женского класса с существами женского пола, вещного класса с объектами неживой природы.

В форме абсолютного падежа имени классы не выражены. Они получают выражение в показателях родительного, дательного, исходного, предназначительного, местно-личного падежей (см. 2.3.4.), в субъектно-объектных глагольных показателях, в предикативных суффиксах, оформляющих различные части речи, в формах некоторых числительных и местоимений.

В формах мн. числа выражается соответственно не три, а два класса — невещный (одушевленный) и вещный (неодушевленный), ср.:

<i>qa:du</i>	'(он) дóма'	<i>qa:yap</i>	'(они [существа]) дóма'
<i>qa:da</i>	'(она) дóма'	<i>qa:yam</i>	'(они [вещи]) дóма'
<i>qa:yam</i>	'(онд) дóма'	<i>qa:</i>	'дóма' (наречие)

Из показателей мн. числа имени *-n*, *-ŋ* первый встречается, как правило, у одушевленных, а второй — у неодушевленных существительных, если их выбор не обуславливается фонетическими факторами.

2.3.3. В К.я. наблюдаются следующие случаи образования мн. числа имени: (1) с помощью суф. *-ŋ*: *uʔn* 'ножнм', мн. ч. *inɛŋ*; (2) *-ŋ* и чередование коренного гласного: ³*u*: 'лут', мн. ч. *ɔʔŋ*; (3) *-n*: *te:m* 'гусь', мн. ч. *temin* ~ *temn*; (4) *-n* и чередование коренного гласного: *ke:l* 'муж', мн. ч. *tatn*; (5) *-n* + *-ŋ* или *-ŋ* + *-n* (плеоназм): *duʔ* 'дым', мн. ч. *dunɛŋ*, *battat* 'лицо', мн. ч. *battatɛŋ* ~ *battatɛn*; (6) *-ŋ* + *-n* + *-ŋ* (тройное выражение мн. числа): *qaʔj* 'гора', мн. ч. *qapɛŋ*; (7) *-ŋ* или *-n* в порядке чередования с финалями основы *j*, *m*, *l*, *s*, *ɣ*, *q*, *β*, *r*, *t*: *quʔs* 'чум', мн. ч. *quʔŋ*, *quʔt* 'лук (оружие)', мн. ч. *qalʔŋ* и т. д.; (8) мена слогового тона с чередованием или без чередования гласного: ¹*ri:p* 'собака', мн. ч. ²*taʔp*; ²*haʔj* 'кедр', мн. ч. ¹*lu:ŋ*; (9) мена ударения: *bil'git* 'сорога', мн. ч. *bil'git*; (10) анокопа финали: *ullap* 'прорубь', мн. ч. *ullá*; (11) *-n* в сочетании с «неорганическими» элементами *s*, *t*, *d*: *qu:k* 'дыра', мн. ч. *quksn*; (12) супплетивно: ¹*keʔt* 'человек' — ²*deʔŋ* 'люди', ¹*dy:l* 'ребенок' — ²*klʔt* 'дети'; (13) чередование тонов с расширением основы: ¹*s'e:s* 'река', мн. ч. ²*s'a:si*.

2.3.4. В К.я. 11 падежей.

Падежные показатели (совпадают у имен и местоимений)

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	муж.	жен., вещ.	невещ.	вещ.
Абсолютный	∅	∅	∅	∅
Родительный	<i>-da</i>	<i>-di</i>	<i>-pa</i>	<i>-di</i>
Дательный	<i>-daga</i>	<i>-diga</i>	<i>-naga</i>	<i>-diga</i>
Исходный	<i>-dagal</i>	<i>-digal</i>	<i>-nagal</i>	<i>-digal</i>
Предназначительный	<i>-data</i>	<i>-dita</i>	<i>-nata</i>	<i>-dita</i>
Местно-личный	<i>-daga</i>	<i>-diga</i>	<i>-naga</i>	<i>-diga</i>
Местный	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>
Орудно-совместный	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>
Продольный	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>
Лишительный	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>
Звательный	<i>-ɔ</i>	<i>-a, —</i>	<i>*A</i>	—

Значение локативности может, кроме падежных форм, выражаться с помощью послеложных конструкций, а значение пассивности — формами прижательного («личного») склонения: *o:p* 'отец', *bo:p* 'мой отец', *do:p* 'ее отец' и т.д. Вместо таких форм могут употребляться и словосочетания с притяжательными местоимениями.

2.3.5. К.я. различает способ действия, которые можно рассматривать как формо- и словообразовательные явления. В зависимости от способа действия различаются формы однократные, многократные, инхоативные, транслативные, терминативные, курсивные, мгновенные, кончателные и др., ср. *da-iks'ives* 'она придет', *da-igbes'avet* 'она приходит', *ba-yissal* 'переночую', *t-sa:lynbayar'a* 'ночью (часто)', *dag-bay'ubon* 'жить я начал', *ob-bat'ocq* 'отцом я стал'.

Переходность устанавливается по наличию в глагольных формах объектного ряда аффиксов, ср.:

<i>t-tajga</i>	'я хожу'	<i>da-bo-k-tajga</i>	'она меня ведет'
<i>k-tajga</i>	'ты ходишь'	<i>da-ku-k-tajga</i>	'она тебя ведет'
<i>da-tajga</i>	'она ходит'	<i>da-o-k-tajga</i>	'она его ведет'

О версионных различиях см. 2.3.6.

Из глагольных форм, дифференцированных по залоговым признакам, выделяются формы каузатива (показатель *-q/-B-*, напр., *da-asanj-q-i'* 'она говорить меня ставляет') и пассива-результатива, ср.: *at iggus' dibbet* 'я дом делаю', *iggus' ar'a bimbavet* 'дом мною сделан'. Формы пассива-результатива употребляются и в выражениях, которые могут переводиться с помощью глагола 'иметь': *ul' bajavet* 'я имею вод' (букв. 'я обводнен'), *iggus' bajavet* 'я имею дом' (букв. 'я одомлен') и т. д.; ср. также образования типа *at bobdanta a:s' bajavet* 'я похож на моего отца' (букв. 'я подобен моему отцу сделан').

В системе глагола представлено четыре наклонения: индикатив, императив, ирреалис и эксортатив. Императив представлен морфологическими формами 2-го лица ед. и мн. числа: *ɣ:nine!* 'свари!', *ɣ:ninen!* 'сварите!'. Эти формы могут отличаться друг от друга в зависимости от версии, вида, переходности, способов действия. Формы эксортатива (побудительно-пермиссивного наклонения) выражают более мягкую форму побуждения к действию; они образуются с помощью частицы *qan'*: *at qan' atkutu!* 'я болей!'. Эксортатив может быть образован и от форм 1-го и 3-го лица.

Ирреалис образуется аналитически с помощью частицы *s'im*: *bu s'im dabil'ivet* 'она бы это сделала', *buq s'im dbil'ivetun* 'они бы это сделали'.

Категории времени и вида четко разведены темпоральными (*-a-*, *-s-* в формах настоящего-будущего, *-o/-u-* в формах прошедшего времени) и видовыми (*-n-* в перфективных, *-l-* в имперфективных формах) аффиксами, которые занимают разные порядки в глагольных словоформах: *dat-a-vaq* 'она оставляет это', *dat-o-vaq* 'она оставила это'; *ber'eta < ber-a-ta* 'снег идет', *ber-o-l-ta* 'снег шел', *ber-o-n'-ta* 'снег прошел (выпал)'; *di-dəq* 'я лечу', *di-l-dəq* 'я летел', *di-n'-dəq* 'я (при)летел'. Часто при наличии видовых показателей темпоральные могут отсутствовать (как в приведенных формах глагола 'лететь'); поскольку видовые показатели появляются только в формах прошедшего времени, то они несут и информацию о темпоральной характеристике соответствующих форм, но это не может служить основанием, чтобы ставить под сомнение наличие категории времени (ср. приведенные формы глагола 'оставлять'). Иногда формы времени дифференцированы иными средствами, чем указанные: *dijej* 'я убью ее', *dibe-*

'я убил ее'. На будущее время может указывать частица *as'*: *ad as' t-t'overavet* 'я буду работать'.

2.3.6. Для К.я. характерна сложная система личных аффиксов, выражающих категорию лица, числа, класса и версии, и подразделенных на серии Б и Д.

Личные глагольные показатели

		Показатели Б			Показатели Д				
		Субъект, объект		Субъектн версия	Субъект		Объект	Субъектн версия	Предик суффиксы*
		ц-стрем	ц-бежн	3-й ряд	1-й ряд	2-й ряд			
Ед ч	1 л	<i>ba</i>	<i>bə</i>	<i>ba, bə</i>	<i>dʔ</i>	<i>di</i>	<i>di, dʔ</i>	<i>di, dʔ</i>	<i>di</i>
	2 л	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>k</i>	<i>ku</i>	<i>ku/ʔu, k</i>	<i>ku/ʔu k</i>	<i>ku/ʔu</i>
	3 л муж	<i>a</i>	<i>ə</i>	<i>bu</i>	<i>dʔ</i>	<i>du</i>	—	<i>a</i>	<i>du</i>
	жен вещ	<i>i, ʔ</i>	<i>u, ʔ</i>	<i>ʔ, (bu)</i>	<i>b, da, ʔ</i>	<i>bumbʔb</i>	<i>b/p/m</i>	<i>a</i>	<i>da am</i>
Мн ч	1 л	<i>daʔ/dəʔ</i>	<i>daʔ/dəʔ</i>	<i>daʔ/dəʔ</i>	<i>dʔ</i>	<i>di</i>	<i>daʔ</i>	<i>daʔ</i>	<i>daʔ</i>
	2 л	<i>kaʔ/kəʔ</i>	<i>kaʔ/kəʔ</i>	<i>kaʔ/kəʔ</i>	<i>k</i>	<i>ku</i>	<i>kaʔʔaʔ</i>	<i>kaʔʔaʔ</i>	<i>kaʔʔaʔ</i>
	3 л невец	<i>aʔ</i>	<i>əʔ</i>	<i>bu</i>	<i>dʔ</i>	<i>du</i>	—	<i>aʔ</i>	<i>aʔ</i>
	вещ	<i>i, ʔ</i>	<i>u, ʔ</i>	<i>ʔ, (bu)</i>	<i>b, da, ʔ</i>	<i>bumbʔb</i>	<i>b/p/m</i>	<i>a</i>	<i>am</i>

* Суффиксы представлены только в предикативно оформленных словах.

Версионные различия представлены, с одной стороны, центростремительными и центробежными формами (версия ориентации), с другой — формами субъектной версии. Центростремительные формы обозначают действие, замкнутое на соответствующем актанте, направленное к нему или происходящее на месте его пребывания, а центробежные формы — действие, направленное за пределы соответствующего актанта (включая и его переход в другое состояние) или от места пребывания.

Центростремительные формы

<i>ba-ʔissal</i>	'я переночую'
<i>ku-ʔissal</i>	'ты переночуешь'
<i>a-ʔissal</i>	'он переночует'
<i>i-ʔissal</i>	'она переночует'
<i>daʔ gissal</i>	'мы переночуем'
<i>kaʔ gissal</i>	'вы переночуете'
<i>aʔ gissal</i>	'они переночуют'

Центробежные формы

<i>bə-ʔavitn</i>	'я выбегу'
<i>ku-ʔavitn</i>	'ты выбежишь'
<i>ə-ʔavitn</i>	'он выбежит'
<i>u-ʔavitn</i>	'она выбежит'
<i>daʔ-avitn</i>	'мы выбежим'
<i>kaʔ-avitn</i>	'вы выбежите'
<i>aʔ-avitn</i>	'они выбегут'

Рефлексивные формы образуются по обычному переходному образцу спряжения (часто в сочетании с формами местоимения *bin* 'сам'), ср.: *da-u:lqa-d-di* 'она меня греет', но *bundi d-u:sqa-d-di* 'я греюсь' (букв. 'я сам себя грею'). Глагольные формы с аффиксальными рядами Д и Б, которые обычно рассматривались как рефлексивные, в действительности являются формами субъектной версии, они могут быть непереходными и переходными. Их семантика выходит за рамки узкорексивного значения, ср., напр. *t-tis-a-bə* 'он зарядит (ружье)', *da-nə-a-bə* 'она зарядит (ружье)', *t-tis-aʔ-ge* 'они зарядят (ружье)' или *d-bu-ʔ-a-Bis* 'он его уведет', *da-bu-ʔ-a-Bis* 'она его уведет', *da-bu-ʔ-di-Bis* 'она меня уведет' и т. д. Эти формы обозначают действие, которое тесно связано с его производителем и, как правило, осуществляется в его интересах (но не

обязательно над самим собой), и поэтому в пределах их семантики может быть реализовано и узкореклексивное значение. Ср. следующие парадигмы:

Нейтральная версия		Субъектная версия	
<i>d-ul äkg</i>	'я мою (стираю)'	<i>d-ul ä-d-γag</i>	'я моюсь (стираюсь)'
<i>k-ul äkg</i>	'ты моешь (стираешь)'	<i>k-ul ä-ku-γag</i>	'ты моешься (стираешься)'
<i>d-ul äkg</i>	'он моет (стирает)'	<i>d-ul ä-j-a-γag</i>	'он моется (стирается)'
<i>da-ul äkg</i>	'она моет (стирает)'	<i>da-ul ä-j-a-γag</i>	'она моется (стирается)'

Узкореклексивное значение могут, однако, выражать и соответствующие переходные формы нейтральной версии, ср.: *da-ul dā-d-gag* 'она меня моет', но *d-ul dā-d-gag* (*bind* *d-ul dā-d-gag*) 'я моюсь (я мою самого себя)'.
 С субъектно-версионными аффиксами Д сочетаются объектные аффиксы Б, и наоборот, с версионными аффиксами Б сочетаются объектные аффиксы Д:

Непереходные формы		Переходные формы	
парадигмы с версионными аффиксами Д			
<i>d-il -dī-Ba</i>	'я торговал (продавал)'	<i>d-ɔ-l -dī-Ba</i>	'я его продавал'
<i>k-il -gu-Ba</i>	'ты торговал (продавал)'	<i>k-ɔ-l -gu-Ba</i>	'ты его продавал'
<i>d-il -a-Ba</i>	'он торговал (продавал)'	<i>d-ɔ-l -a-Ba</i>	'он его продавал'
<i>da-il -a-Ba</i>	'она торговала (продавала)'	<i>da-ɔ-l -a-Ba</i>	'она его продавала'
парадигмы с версионными аффиксами Б			
<i>d-ba-tsaq</i>	'я сбегю (и вернусь)'	<i>da-ŋ a-bu-g-dī-Bus</i>	'она меня наружу уведет'
<i>k-ku-tsaq</i>	'ты сбегашь'	<i>da-ŋ a-bu-k-ku-Bus</i>	'она тебя наружу уведет'
<i>d-bu-tsaq</i>	'он сбегает'	<i>da-ŋ a-bu-γ-a-Bus</i>	'она его наружу уведет'
<i>da-bu-tsaq</i>	'она сбегает'	<i>da-ŋ a-bu-Bus</i>	'она ее наружу уведет'

(Ср. также рефлексивные формы типа *d-bo-g-dī-Ba* 'я продаюсь, я продаю себя', которые представлены в переходных парадигмах субъектной версии.)

Личные аффиксы могут выступать в различной функции, меняя или не меняя при этом свой порядок в словоформе. Так, аффикс *-b-l-p-* вешного класса может выступать в субъектной (*a-b-atij* 'это растет'), объектной (*dī-p-tet* 'я бью это') или инструментальной (*da-tɔ:γ-ba-ta-p-tet* 'она хватает меня [руками]') функции, занимая один и тот же порядок; аффиксы Б могут выступать в субъектной (*ba-ga:bde* 'я слышу это', *bo-γat* 'я иду, пойду') или объектной (*d-ba-toŋ* 'он меня видит') функции, тоже не меняя своего порядка; аффиксы Д выступают в субъектной (*dī-ptet* 'я бью это') или объектной (*k-in-dī-tet* 'ты меня бил') функции, меняя свой порядок в словоформе.

О т р и ц а н и е выражается с помощью частицы *byn* 'не': *byn qe? iggus* 'небольшой дом', *bu byn dail iden* 'она не плакала'. Перед формами императива употребляется частица *at/atn* 'не': *an itij!* 'не крути!', *an anaq!* 'не давай сму!'. Форме *us'ag* 'есть, имеется' соответствует отрицательная форма *byn'caγta:γ* 'нет, не имеется'. Кроме того в К.я. имеются отрицательные глаголы 'не хотеть' (*byn'baβɔj* 'не хочу', *byn'gubɔj* 'она не хочешь') и 'не трогать', ср.:

<i>t-naddij</i>	'он меня трогает'	<i>dɛbatavit</i>	'он меня не трогает'
<i>t-nayur'ij</i>	'он тебя трогает'	<i>dɛjgɔtavit</i>	'он тебя не трогает'
<i>t-najdij</i>	'он его трогает'	<i>dɛjatavit</i>	'он его не трогает'
<i>t-nijdij</i>	'он ее трогает'	<i>dɛjtavit</i>	'он ее не трогает'

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм

В Кя наблюдается большое разнообразие типов глагольного спряжения в индикативе обусловленное различием между простыми и сложными глаголами, а также различиями по версии, по переходности, по использованию аффиксов серии Б и Д и т. д. Ограничимся следующими образцами парадигм

Фрагменты парадигм простых глаголов

	<i>hiʔŋ</i> 'опухать'		<i>tar</i> 'бить'
<i>ya ʔdiʔ l ʔ</i>	'я опухаю/опухал'	<i>duʔet/dɛn dʔet</i>	'он меня бьет/бил'
<i>kuʔa ʔkiʔ l ʔ</i>	'ты опухаешь/опухал'	<i>duktet/dɛn guʔet</i>	'он тебя бьет/бил'
<i>duʔa ʔdiʔ l ʔ</i>	'он опухает/опухал'	<i>duʔateʔ/dɛn tet</i>	'он его бьет/бил'
<i>duʔa ʔdaʔ l ʔ</i>	'она опухает/опухала'	<i>du tet/diʔrun tet</i>	'он ее бьет/бил'
<i>hɛmbɔ ʔbiʔ l ʔ</i>	'это опухает/опухало'	<i>duʔet/diʔvin tet</i>	'он это бьет/бил'

Фрагменты парадигм сложных глаголов

<i>an bet/an iʔbet</i> 'думать' (неперех.)		<i>an bet/an iʔbet</i> 'думать' (перех.)	
<i>dan s iʔet/dan iʔiʔ bet</i>	'я думаю/думал'	<i>dan iʔbats iʔet/dan iʔbatʔ iʔet</i>	'он обо мне думает/думал'
<i>kan s iʔet/kan iʔiʔ bet</i>	'ты думаешь/думал'	<i>dan iʔkuʔs iʔet/dan iʔkuʔʔ iʔet</i>	'он о тебе думает/думал'
<i>dan s iʔet/dan iʔiʔ bet</i>	'он думает/думал'	<i>dan iʔbats iʔet/dan iʔbatʔ iʔet</i>	'он о нем думает/думал'
<i>daan s iʔet/daan iʔiʔ bet</i>	'она думает/думала'	<i>dan iʔbats iʔet/dan iʔbatʔ iʔet</i>	'он о ней думает/думал'

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. В глагольном формообразовании предпочтение отдано префиксации и инфиксации, в формообразовании имени, наоборот, преобладает суффиксация. Суффиксируются в Кя и все предикативные показатели

<i>kis eʔ di</i>	'я здесь'	<i>kis eʔ daʔ</i>	'мы здесь'
<i>kis eʔ gu</i>	'ты здесь'	<i>kis eʔ gaʔ</i>	'вы здесь'
<i>kis eʔ du</i>	'он здесь'	<i>kis eʔ aʔ</i>	'они здесь'
<i>kis eʔ da</i>	'она здесь'	<i>kis eʔ am</i>	'(вещи) здесь'
<i>kis eʔ am</i>	'(это) здесь'		

Кетский глагол представлен в своей неопределенной форме именной основой (корнем) наподобие масдара в некоторых кавказских языках. Омонимичные причастия в назывной форме оформляются предикативным суффиксом *-s*, *-sɪ* (мн. ч. *-sɪn*) *daʔq* 'жить' — *daʔksɪ* 'живущий'. В состав финитной глагольной словоформы входят неверсионные и версионные личные аффиксы, аффиксы вида и времени, каузатива, императива (только у определенной группы глаголов) а также интерфиксы (разделительные вокалические и консонантные элементы) и детерминативы. Среди последних следует различать две разновидности: 1) детерминативы, сопровождающие личные аффиксы, 2) детерминативы, занимающие определенный порядок в словоформе и участвующие в образовании прерывных основ. Финитные формы могут строиться по следующим моделям

- 1) + R (простые глаголы с основной в конце слова) *dɪp-taʔ* 'я тащу это (волоком)'
- 2) + Det + + R (простые глаголы с прерывной основой, осложненной детерминативом) *di t-ap-taʔ* 'я тащу и тащу это (волоком)', *dug-d-ap-taʔ* 'я тащу это (на волокуше)',
- 3) + (R₃) + R₂ + + R₁ (сложные глаголы с прерывной сложной основой) *d-al-ap-taʔ* 'я наружу это тащу (волоком)', *d-al-taʔ-uʔa-ʔet* 'я наружу тащу эти (вещи по одной)',
- 4) + (R₃) + R₂ + + Det + + R₁ (сложные глаголы с прерывной основой, совмещающие рамки моделей 2 и 3) *d-al-t-ap-taʔ* 'я тащу и тащу это наружу (волоком)'

При инкорпорации используются только модели 3 и 4: *bu qy?t dabbet* > *bu da-qy? s'i-ver* 'она лук (оружие) делает'.

2.5.2. Собственно деривационная система К.я. находится на стадии становления. У существительного выявляются словообразовательные суффиксы *-s'*, *-as'*, *-ŋ*, *-t*, у прилагательного — *-tu*, *-ej*, *-ŋ*, у наречий — *-a*. В историческом плане все производные слова восходят к сложным образованиям, в структуре которых постепенно вычленились компоненты — диспиктивы, явившиеся источником полуаффиксации, а позднее — аффиксации.

Полуаффиксы широко используются в именном и глагольном словообразовании. Наиболее продуктивны из них *-bet*, *-tet*, *-kit* у глаголов, *-git/-yit*, *-ŋim*, *-ul'*, *-ɔl'*, *-pul'*, *-aj*, *-at* и др. у существительных. Все они соотносятся с самостоятельными словами.

Широкое распространение получило в К.я. словосложение.

2.5.3. Современный К.я. следует, хотя и с известными оговорками, причислять к языкам номинативной типологии. В нем сохранились лишь реликтовые черты активного и эргативного строя. Не исключено, что при перестройке языка активной типологии в язык номинативной типологии К.я. развил посессивную конструкцию, позднее переосмысленную.

В предложении доминирует глагольная словоформа; обнаруживается тенденция к отражению в ее структуре всех членов предложения, причем порядок расположения формальных элементов схемы субъектно-объектных отношений в глагольной словоформе, как правило, совпадает с порядком расположения соответствующих членов предложения: SOV (первые два члена могут меняться местами). В атрибутивной синтагме определяемое располагается после определения; это правило действует и в конструкции родительным падежом: *obda tu:p* 'отца собака'.

Вопрос оформляется в К.я. с помощью вопросительных слов и/или интонации: *Dy? bubu?* 'Шапка ее?' *U bsa'a:s' kimbes?* 'Ты с кем (из женщин) пришел?'. Косвенный вопрос оформляется с помощью частиц и 'ли', *bŋi'd* и 'не ... ли': *Bu ma'ŋa, am bŋi'd u dambe* 'Она спросила, не пришла ли мать'; *Buŋ ma'ŋa, ad u ts'il'* 'Они спросили, поел ли я'.

2.5.4. В К.я. наблюдаются следующие приемы организации простых предложений в сложные: (1) с помощью интонации; (2) с помощью союзов; (3) с помощью падежных показателей, оформляющих предикат придаточного предложения; (4) с помощью послелогов и служебных слов (имен, наречий), выступающих в роли послелогов.

Первый способ объединения простых предложений в сложные представлен в большинстве случаев в сложносочиненных предложениях. Второй способ наблюдается и в сложносочиненных, и в сложноподчиненных предложениях, но он в целом мало характерен для К.я. Очень часто используются русские союзы. Широкое распространение получили в К.я. третий и четвертый способы, используемые для построения сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными, определительными, темпоральными, условными, причины, цели и места. В роли скреп между главным и придаточным предложениями могут выступать: (1) падежные показатели *-diŋa*, *-diŋil*, *-diŋta*, *-diŋa*, *-ga/-ka*; (2) послелоги и служебные слова, выступающие в роли послелогов, — *digde*, *da:n*, *bardŋa*, *baŋ*, *doBot*, *qayŋa*, *kuŋa*, *kadŋa*, *kurka* и др., напр.: *Ul'es' bŋi' s'im oŋon'-ga, en'qoŋ s'im us'am* 'Если бы не шел дождь, сегодня бы тепло (было)'.

2.6.0. Большая часть заимствований в К.я. отражает древние языковые контакты и не может быть возведена к конкретному языку-источнику. Установлено лишь, что часть этой лексики сопоставима с лексическими параллелями в ностратических языках, а другая — в сино-тибетских. Из более поздних заимствований более или менее достоверно выявлены самодийские (селькупские) и в незначительном количестве — тюркские. Самыми поздними являются заимствования из русского языка. Из них более ран-

ние подвержены значительной фонетической и грамматической (по грамматическому классу) адаптации. В настоящее время число русских заимствований в К.я. не поддается точному учету: поскольку все кеты хорошо владеют русским языком, то практически любое недостающее в К.я. понятие заимствуется из русского языка, причем с минимальной фонетической адаптацией, что позволяет говорить о фонологической подсистеме языка, функционирующей в сфере русских заимствований.

2.7.0. Севернокетский диалект как бы сочетает в себе черты южнокетского и среднекетского диалектов, что является, очевидно, результатом более позднего диалектно-языкового смешения у кетов. Поэтому достаточно указать на основные отличительные особенности между южнокетским и среднекетским диалектами: (1) ср.-кет. *ä* соответствует юж.-кет. *a*: ³*bä:m* — ³*ba:m* 'старуха', ³*bä:t* — ³*ba:t* 'старик'; (2) ср.-кет. безударной гласной финали соответствует юж.-кет. *ø*: ср.-кет. ¹*hi:ya*, юж.-кет. ¹*hi:γ* ~ ¹*hi:x* 'мужчина'; (3) ср.-кет. *-d* соответствует юж.-кет. *-r* ~ *-r'*: ⁴*ε:dä* — ⁴*er* 'соболь'; *adog* — *arog* 'кусачий'; (4) метатеза в среднекетском диалекте, отсутствующая в южнокетском: ср.-кет. *dapqul'*, юж.-кет. *daqul'* 'куча'; (5) четвертый слоговой тон является в южнокетском диалекте кратким нисходящим, а в других диалектах низким, восходяще-нисходящим и долгим: юж.-кет. ⁴*s'el'*, ср.-кет. ⁴*s'ε:l'i* 'олень'; (6) лексико-морфологическая дистрибуция тонов не всегда совпадает в диалектах: юж.-кет. ²*Γaʔm*, ср.-кет. ¹*Γε:m* 'доска' и т. д. Наблюдаются и некоторые различия между диалектами на уровне грамматики и лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Белимов Э. И. Кетский синтаксис. Ситуация, оппозиция, предложение. Новосибирск, 1991.

Буторин С. С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

Валл М. Н., Камалин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.

Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ, 1974, № 1.

Вернер Г. К. Кетско-русский и русско-кетский словарь. СПб, 1993.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.

Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.

Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.

Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.

Castrén M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.

Donner K. Ketica. Materialien aus dem Ketischen. Helsinki, 1955.

Werner H. Die ketische Sprache (в печати).

Г. К. Вернер

ЮГСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Югский язык (Ю.я.) — язык енисейской народности с саамоназванием *jugun* (мн. ч. от *ju*), сохранившейся лишь в составе нескольких семей в селах Ярпево и Ворогово Красноярского края. Юги известны со времен М. А. Кастрена как сымские кеты, так как основная их масса проживала в середине XIX в. на р. Сыме, притоке Енисея. В дореволюционное время югов вместе с кетами называли енисейскими остяками; в более ранний период, например, в официальных документах XVII в., встречается еще название «дюканы» от тунгусского названия югов *d'ukal* ~ *d'ukan* ~ *d'ukundri* (для кетов существовало отличающееся

ние подвержены значительной фонетической и грамматической (по грамматическому классу) адаптации. В настоящее время число русских заимствований в К.я. не поддается точному учету: поскольку все кеты хорошо владеют русским языком, то практически любое недостающее в К.я. понятие заимствуется из русского языка, причем с минимальной фонетической адаптацией, что позволяет говорить о фонологической подсистеме языка, функционирующей в сфере русских заимствований.

2.7.0. Севернокетский диалект как бы сочетает в себе черты южнокетского и среднекетского диалектов, что является, очевидно, результатом более позднего диалектно-языкового смешения у кетов. Поэтому достаточно указать на основные отличительные особенности между южнокетским и среднекетским диалектами: (1) ср.-кет. *ä* соответствует юж.-кет. *a*: ³*bä:m* — ³*ba:m* 'старуха', ³*bä:t* — ³*ba:t* 'старик'; (2) ср.-кет. безударной гласной финали соответствует юж.-кет. *ø*: ср.-кет. ¹*hi:ya*, юж.-кет. ¹*hi:γ* ~ ¹*hi:x* 'мужчина'; (3) ср.-кет. *-d* соответствует юж.-кет. *-r* ~ *-r'*: ⁴*ε:dä* — ⁴*er* 'соболь'; *adog* — *arog* 'кусачий'; (4) метатеза в среднекетском диалекте, отсутствующая в южнокетском: ср.-кет. *dapquł*, юж.-кет. *daqpuł* 'куча'; (5) четвертый слоговой тон является в южнокетском диалекте кратким нисходящим, а в других диалектах низким, восходяще-нисходящим и долгим: юж.-кет. ⁴*s'el'*, ср.-кет. ⁴*s'ε:l'i* 'олень'; (6) лексико-морфологическая дистрибуция тонов не всегда совпадает в диалектах: юж.-кет. ²*Γaʔm*, ср.-кет. ¹*Γε:m* 'доска' и т. д. Наблюдаются и некоторые различия между диалектами на уровне грамматики и лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Белимов Э. И. Кетский синтаксис. Ситуация, оппозиция, предложение. Новосибирск, 1991.

Буторин С. С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.

Валл М. Н., Камалин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.

Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ. 1974, № 1.

Вернер Г. К. Кетско-русский и русско-кетский словарь. СПб, 1993.

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.

Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.

Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.

Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.

Castrén M. A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.

Donner K. Ketica. Materialien aus dem Ketischen. Helsinki, 1955.

Werner H. Die ketische Sprache (в печати).

Г. К. Вернер

ЮГСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Югский язык (Ю.я.) — язык енисейской народности с саамоназванием *jugun* (мн. ч. от *ju*), сохранившейся лишь в составе нескольких семей в селах Ярпево и Ворогово Красноярского края. Юги известны со времен М. А. Кастрена как сымские кеты, так как основная их масса проживала в середине XIX в. на р. Сыме, притоке Енисея. В дореволюционное время югов вместе с кетами называли енисейскими остяками; в более ранний период, например, в официальных документах XVII в., встречается еще название «дюканы» от тунгусского названия югов *d'ukal* ~ *d'ukan* ~ *d'ukundri* (для кетов существовало отличающееся

тунгусское название *dändri*). Кеты называют югов только *жууп ~ жууен'*, в то время как сами юги называли себя *kand'eq*. В переписях XX в. юги учитывались как кеты

1.1.2. Ю.я. первоначально рассматривался как сымский диалект кетского языка. В 60-х гг. нашего столетия в кетологии утвердился, однако, взгляд, согласно которому югов следует рассматривать как особую енисейскую народность, а их язык — как самостоятельный енисейский язык, образующий вместе с кетским близкородственную группу в составе енисейской языковой общности.

1.1.3. См. 1.1.1.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. По историческим данным можно предполагать, что Ю.я. был распространен от г. Енисейска до р. Дупчес, впадающей в Енисей недалеко от с. Ворогова, и был представлен несколькими диалектами.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Ю.я. служил до середины 70-х гг. XX в. средством общения в быту у представителей старшего поколения. В настоящее время средством общения у югов служит русский язык.

1.3.2. О наличии в прошлом наддиалектных форм Ю.я. сведений нет.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса Ю.я. не имеет.

1.4.0. Письменности у югов нет и не было.

1.5.0. О периодизации истории Ю.я. сведений нет.

1.6.0. Можно предполагать, что отдельные внутривидовые особенности Ю.я. обусловлены длительными контактами югов и селькупов на р. Кеть и р. Сым.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1.

Гласные

Полет		Ряд		
		Передний	Средний	Задний
Верхний		i	у	а
Средний	Закрытый	e	ь	о
	Открытый	e	л	э
Нижний			а	

Для югского (как и для кетского) вокализма характерны специфические гласные среднего ряда ь, л, которые не обнаружены в других енисейских языках.

Согласные

По способу образования		По месту образования					
		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные		Ларингальные
					Велярные	Увулярные	
Шумные	Смычные	p b	t d	t(h) d(b)	k g	q	ʔ
	Щелевые	f	s			γ	
	Аффрикаты			ʃ			
Сонанты	Носовые	m	n	ŋ(ɲ)	ŋ		
	Боковые		l ɭ				
	Дрожащие		r				
	Щелевые			j			

2.1.2. В Ю.я. обнаружено четыре слоговых тона со следующей характеристикой:

Признаки	Тоны			
	Первый	Второй	Третий	Четвертый
Высокий регистр	+	+	+	-
Фарингаллизация	-	+	-	+
Циркумфлексный контур	-	+	+	+
Отрывистость	-	+	-	-

Наиболее четко тоны реализуются в изолированных односложных словах; в многосложных словах они могут сохраняться лишь в ударных слогах. В последнем случае ударение является по существу мерой полноты реализации тона. Иное положение наблюдается при реализации двух особых краткосложных акцентных типов: при одном из них наблюдается повышение основного тона голоса на первом (ударном) слоге, при другом — на последнем или предпоследнем (ударном) слоге при одинаковой интенсивности во всех слогах: *daluŋ* 'ножи', *kanda* 'курильная трубка'. Первый тип производит впечатление динамического словесного удара.

2.1.3. Качественная и количественная характеристика гласных зависит: (1) от позиции по отношению к ударению (в безударной позиции представлено не 10, а семь гласных — *e, i, e, u, o, a*); (2) от фонетической характеристики слоговых тонов (первый и третий тоны сужают, а второй и четвертый расширяют вокалический фонемный базис): ²*de*? 'озеро', мн. ч. ¹*deg*; ⁴*ya:j* 'лось', мн. ч. ³*ye'n*. Под влиянием тонов возникли также исторические чередования аблаутного характера типа ¹*cip* 'собака', мн. ч. ²*ca?p*; ³*ses* 'речка', мн. ч. ⁴*sa:s*.

Длительность гласных носит в Ю.я. в большинстве случаев просодический характер, но наблюдаются и случаи ее фонологизации на уровне гласных фонем (¹*ej* 'сосна' — ¹*ej*? 'остров'). Просодический характер носит и ²?, появляющийся лишь в открытых слогах со вторым тоном: ²*yo?* 'сарана', ²*i?* 'лабаз'.

В консонантизме Ю.я. можно отметить следующие фонетические явления: (1) озвончение глухих шумных согласных перед *b, d, d'* (¹*ses* 'река' — ³*sezbes* 'вдоль реки'); (2) опущение звонких шумных согласных перед шумными глухими (¹*adade* 'болит' — ¹*akade* 'ты болеешь'); (3) спирализация шумных смычных в позиции между гласными (¹*yur*, мн. ч. ¹*yufun* 'косач'); (4) ассимиляция согласных *γ, f, b, t, s* по месту и способу артикуляции (¹*irruŋ* < ¹*iryuŋ* 'шамань!', ¹*ennoŋ* < ¹*enyon* 'сегодня', ¹*yempan* < ¹*yemfan* 'без жены' и т. д.); (5) геминация согласных под воздействием 2-го тона (¹*bauat* 'лицо' < ¹*ba?i* 'люб' + ²*a?i* 'кость'); (6) после *k, q* не может встречаться *n*; в этой позиции появляется только *ŋ*; после *t, s, l, γ, n* не может встречаться *ŋ*, встречается только *n*: ¹*uŋki* 'сосновый бор', ¹*uŋun* 'звезды', ¹*ŋat* 'мужья', ¹*besn* 'зайцы', ¹*lomn* 'поплавки' и т. д.

2.1.4. Слоги имеют в Ю.я. следующую структуру: V, CV, VC, CVC. В случае префиксирования лично-субъектных показателей к глаголу и в случае образования притяжательных форм имени могут встречаться слоги со структурой CCV, CCVC, хотя Ю.я., как и кетский, обычно не терпит скопления согласных в начале и конце слова: *u kŋajge* 'ты ходишь', *pŋet* 'мой муж'. Следует еще отметить, что ютские согласные *l, m, n, ŋ, ɾ, r, t'* выступают, как правило, только в роли финалей, *b, f, d, d', ɛ* — только в роли инициалей, и лишь *k, t, x, s, l* встречаются и в той, и в другой позициях.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В Ю.я. корневые и служебные морфемы, как правило, односложны и имеют структуру V, C, CV, VC, CVC. Двусложные морфемы восходят исторически к сложным

образованиям (напр., показатель исходного падежа *-daɣ̃:r* < *daɣ* + *ɤ:r* 'вне'). Структура С наблюдается только у служебных морфем.

2.2.2. Фонетико-фонологическое различие между корневыми и соответствующими служебными морфемами выражается в звуковом и акцентуационном опрошении последних, так как они в большинстве случаев не получают ударения, ср.: ²*dʲeʔŋ* 'люди', но *undʲeŋ* 'вдвоем', *kundʲeŋ* 'юги', *dydʲeŋ* 'юраки', *ɣy:bdʲeŋ* 'торговцы' и т. д., где *dʲeŋ* — полусуффикс.

2.2.3. На уровне фонем наблюдаются чередования аблаутного характера (*'fa* 'бубен', мн. ч. ⁴*fa:s*; ²*ʔ* 'лабаз', мн. ч. ²*eʔŋ*), морфологического (*surejbagais* 'покраснею', *surejbagois* 'покраснел') и морфонологического (⁴*se:r* 'олень', мн. ч. ²*seʔn*; ⁴*ɣu:t* 'щука', мн. ч. *ɣukɣ*).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Как и другие енисейские языки, Ю.я. может быть охарактеризован как аффигурующий язык агглютинативного типа, широко использующий префиксацию, инфиксацию и суффиксацию.

2.3.1. В Ю.я. можно выделить следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие, местоимение, числительное, послелог, частицы, междометие. Союзы заимствованы из русского языка; иногда в роли союзов выступают наречия: *Askeɣ si uo:nde, ad bɔnʲ dito:rot* 'Когда ночь прошла, я (еще) не спал'. В языке наблюдается слабая расчлененность лексики в общекатегориальном плане.

2.3.2. Именная лексика охвачена четкой классной дифференциацией. Наименования всех живых объектов, включая объекты растительного мира и фактически неживые объекты, но имеющие сакральный смысл, относятся либо к мужскому, либо к женскому классу, а все наименования объектов неживой природы — к вещному классу. В Ю.я., в отличие от кетского, наименования детенышей относятся к женскому классу, а названия частей тела к вещному классу.

Классная дифференциация находит отражение в показателях родительного, дательного, предназначительного, исходного и звательного падежей, в глагольных показателях Б и Д (см. 2.3.6.), в формах некоторых местоимений и числительных. Показатель мн. числа *n*, как правило, получают одушевленные, а *ŋ* — неодушевленные существительные, если выбор не обусловлен фонетическими условиями.

2.3.3. Основные способы образования множественного числа имени в Ю.я. следующие: (1) с помощью суффикса *-n* (без фонетических изменений в основе): *ɣet* 'женщина', мн. ч. *ɣetn/ɣetn*; (2) *-n* с чередованием коренного гласного: *laʔm* 'доска', мн. ч. *letn/letun*; (3) *-n* с чередованием согласных финалей: *ej* 'сосна', мн. ч. *eʔn*, (4) с помощью суффикса *-ŋ* (без фонетических изменений в основе): *bajɣyl* 'коса (волос)', мн. ч. *bajɣylŋ*; (5) *-ŋ* с чередованием коренного гласного: *i* 'имя', мн. ч. *eʔŋ*, (6) *-ŋ* с чередованием согласных финалей: *bɔʔy* 'ловушка для рыбы', мн. ч. *bɔqɣ, biʔ* 'гагара', мн. ч. *bikɣ, ɣuʔs* 'чум', мн. ч. *ɣuʔɣ*; (7) с помощью чередования тонов: ²*kɔʔl* 'пень', мн. ч. ³*ko:t*; ¹*fas* 'бубен', мн. ч. ⁴*fa:s*; (8) двойное и тройное выражение мн. числа показателями *-n, -ŋ*: *deʔ* 'озеро', мн. ч. *deɣnʲiɣ, dyʔ* 'шапка', мн. ч. *dɣunɣ*; (9) *-n* в сочетании с «неорганическим» согласным: *ɣuk* 'нора, дыра', мн. ч. *ɣuksin*; (10) с помощью супплетивных форм: ¹*dyl* 'ребенок', мн. ч. ²*klʔt ~ dylat*; (11) чередование тонов с чередованием финалей: ²*seʔs* 'лиственница', мн. ч. ¹*sej*; (12) без изменения формы: *siɣ* 'комар', мн. ч. *siɣ*. Гласные *i, u, e, ɤ* в показателях мн. числа (*-n/-ŋ* и т. д.) эпентетического характера.

2.3.4. В Ю.я. имеется 10 падежей.

Падежные показатели

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	муж.	жеп., веш.	невещ.	вещ.
Абсолютный	∅	∅	∅	∅
Родительный	-da	-di	-na	-di
Дательный	-daŋ	-diŋ	-naŋ	-diŋ
Исходный	-daŋ:r	-diŋ:r	-naŋ:r	-diŋ:r
Предназначительный	-dat(a)	-diŋ(a)	-nat(a)	-diŋ(a)
Местный	-kej/-gej	-kej/-gej	-kej/-gej	-kej/-gej
Орудно-совместный	-fas/-faj	-fas/-faj	-fas/-faj	-fas/-faj
Продольный	-bes	-bes	-bes	-bes
Липительный	-fan	-fan	-fan	-fan
Звательный	-o	-a	-a	—

Все склоняющиеся слова Ю.я. склоняются по единой схеме, различаясь в соответствии с категорией класса лишь по типу склонения (мужское, женское, вещное).

Значение локативности выражается, кроме падежных форм, различными послеложными конструкциями, а значение посессивности — с помощью притяжательных местоимений (*ap fyp* 'мой сын') или форм притяжательного («личного») склонения (*daŋip* 'его собака').

2.3.5. Для Ю.я., как и для кетского, характерен целый ряд способов действия, в том числе однократный, многократный, начинательный, кончателный, транслативный, терминативный, курсивный и др. Они могут быть охарактеризованы как формо- и словообразовательные явления. Особенно сложную систему образуют формы однократного и многократного способов действия: *daba:γ* 'я дам ему', *diba:γ* 'я дам ей' --- *danbu* 'я даю ему', *dinbu* 'я даю ей'.

Переходность всегда связана с наличием в глагольных словоформах объектных аффиксов, ср.:

<i>dikya-syget</i>	'я разговариваю'	<i>dikya-u-k-syget</i>	'я рассказываю это'
<i>gykya-syget</i>	'ты разговариваешь'	<i>gykya-u-k-syget</i>	'ты рассказываешь это'
<i>dikya-syget</i>	'он разговаривает'	<i>dikya-u-k-syget</i>	'он рассказывает это'
<i>dakya-syget</i>	'она разговаривает'	<i>dakya-u-k-syget</i>	'она рассказывает это'

Из залоговых форм в Ю.я. имеются формы каузатива и пассива-результатива. В отличие от кетского, югский каузатив выражается не одним, а двумя аффиксами, -γ и -ε-, ср.: *du:s-γ-addi?* 'он меня греет', *dayta-ε-addi?* 'он меня хвалит'. Формы пассива-результатива могут в зависимости от типа глагола образовываться по-разному. Для иллюстрации одного из приемов пассивного преобразования можно привести следующие образцы парадигм:

<i>dudibet</i>	'он меня делает'	<i>bajabet /bajabe:t</i>	'я сделан'
<i>dugybet</i>	'он тебя делает'	<i>kujabet /kujabe:t</i>	'ты сделан'
<i>dajabet</i>	'он его делает'	<i>ajabet /ajabe:t</i>	'он сделан'
<i>du:bet</i>	'он ее делает'	<i>ijabet /ijabe:t</i>	'она сделана'
<i>dubbet</i>	'он это делает'	<i>bimbabet /bimbabe:t</i>	'это сделано'

Для Ю.я. характерны следующие наклонения: индикатив, императив, ирреалис и эксортатив. Императив представлен формами 2-го лица (ед. и мн. числа); способы его образования различны в зависимости от переходности, версии, способа дейст-

вия и т. д., ср.: *luunardi?* 'вари!' — *luunune!* 'свари!', *luunardi:n!* 'варите!' — *luununen!* 'сварите!'.

Ирреалис выражается с помощью частицы *sim*, употребляемой, как правило, только перед глагольными формами прошедшего времени: *Ad en sim tsayano:rget* 'Я бы сейчас белковала'. Экспортатив также выражается аналитически с помощью частицы *yan* 'пусть': *yan sitige!* 'проснись!', *ata yan ku:ceŋ!* 'не вздрагивай!'.

Видовые и временные характеристики югских глагольных словоформ выражены разными показателями; темпоральные аффиксы *-a-*, *-s-* (настояще-будущее время), *-ɔ/-o/-u-* (прошедшее время) занимают в словоформе иной порядок, нежели видовые аффиксы *-n-* (перфективность) и *-r-* (имперфективность): *bo-a-de* 'я иду/пойду' — *bo-ɔ:rde* 'я шел' — *bo-ɔ:nde* 'я пошел/ушел'. Иногда наблюдаются и другие приемы выражения темпоральных различий: *dɔy:lsu* 'я жую' — *dɔyilu/dɔyillu* 'я жевал'.

2.3.6. В Ю.я. сложную систему образуют личные аффиксы версионного и неверсионного характера, с помощью которых выражаются категории лица, числа, класса и версии:

Субъектно-объектные показатели глагола

		Показатели Б			Показатели Д					
		Субъект, объект		Субъектн версия	Субъект		Объект	Субъектн версия	Предик суффикс*	
		ц.-стрем	ц.-безл		3-й ряд	1-й ряд				2-й ряд
Ед. ч	1 л.	<i>ba</i>	<i>bo</i>	<i>ba, bo</i>	<i>d/t</i>	<i>di</i>	<i>di, d/t</i>	<i>di, d/t</i>	<i>di?</i>	
	2 л.	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>k</i>	<i>ku</i>	<i>ku/gu, k</i>	<i>ku/gu, k</i>	<i>ku?/gu?</i>	
	3 л. муж. жен. вещ.	<i>a</i> <i>ɔ</i> <i>ɪ, θ</i>	<i>ɔ</i> <i>u</i> <i>u, θ</i>	<i>bu</i> <i>bu</i> <i>θ, (bu)</i>	<i>d/t</i> <i>da</i> <i>b, da, θ</i>	<i>du</i> <i>dɔ</i> <i>bimb/b</i>	<i>-</i> <i>a</i> <i>b/p/m</i>	<i>a</i> <i>a</i> <i>a</i>	<i>du?</i> <i>da?</i> <i>e?</i>	
Мн. ч	1 л.	<i>daŋ/dɔŋ</i>	<i>daŋ/dɔŋ</i>	<i>daŋ/dɔŋ</i>	<i>d/t</i>	<i>di</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>dɔ ŋ</i>	
	2 л.	<i>kaŋ/kɔŋ</i>	<i>kaŋ/kɔŋ</i>	<i>kaŋ/kɔŋ</i>	<i>k</i>	<i>ku</i>	<i>kaŋ/gaŋ</i>	<i>kaŋ/gaŋ</i>	<i>kl ŋ</i>	
	3 л. невест. вещ.	<i>aŋ</i> <i>ɪ, θ</i>	<i>ɔŋ</i> <i>u, θ</i>	<i>bu</i> <i>θ, (bu)</i>	<i>d/t</i> <i>b, da, θ</i>	<i>du</i> <i>bimb/b</i>	<i>-</i> <i>b/p/m</i>	<i>aŋ</i> <i>a</i>	<i>e ŋ</i> <i>e?</i>	

* Суффиксы представлены только в предикативно оформленных словах

Версионные различия проявляются прежде всего в глагольных формах с личными показателями Б, противопоставленных как центростремительные и центробежные (ср статью «Кетский язык»).

<i>ba-ksa'r</i>	'я переночую'	<i>bo-ade</i>	'я иду/ухожу'
<i>ku-ksa'r</i>	'ты переночуешь'	<i>ku-ade</i>	'ты идешь/уходишь'
<i>a-ksa'r</i>	'он переночует'	<i>ɔ-ade</i>	'он идет/уходит'
<i>i-ksa'r</i>	'она переночует'	<i>u-ade</i>	'она идет/уходит'

Субъектная версия может выражаться как аффиксами Б, так и аффиксами Д. Эти формы могут выражать и рефлексивное значение, но их семантика шире последнего: они обозначают действие, осуществляемое, как правило, в интересах производителя этого действия. Обычное же узорефлексивное значение передается соответствующими формами переходных глаголов нейтральной или субъектной версии, ср.: *da-urd adigu?* 'она меня моет', но (*bindi*) *d-urd adigu?* 'я моюсь (мою сам себя)'. Иначе оформляются версионные формы:

Нейтральная версия		Субъектная версия	
<i>d-uragy²ŋ</i>	'я мою (стираю)'	<i>d-ura-d-gy²ŋ</i>	'я моюсь (стираюсь)'
<i>k-uragy²ŋ</i>	'ты моешь (стираешь)'	<i>k-ura-k-ky²ŋ</i>	'ты моешься (стираешься)'
<i>d-uragy²ŋ</i>	'он моет (стирает)'	<i>d-ura-j-a-gy²ŋ</i>	'он моется (стирается)'
<i>da-wagy²ŋ</i>	'она моет (стирает)'	<i>da-ura-j-a-gy²ŋ</i>	'она моется (стирается)'

Как и в кетском, в Ю.я. версионные аффиксы Б сочетаются в глагольной словоформе с объектными аффиксами Д и, наоборот, версионные аффиксы Д — с объектными Б:

Непереходные формы		Переходные формы	
парадигмы с версионными аффиксами Д			
<i>dī-dī-yu p</i>	'я продаю (торгую)'	<i>d-ɔ-g-dī-yu p</i>	'я продаю его'
<i>ku-gu-yu p</i>	'ты продаешь (торгуешь)'	<i>d-u-g-dī-yu p</i>	'я продаю ее'
<i>da-j-a-yu p</i>	'он продает (торгует)'	<i>t-ku-g-dī-yu p</i>	'я продаю тебя'
<i>dā-j-a-yu p</i>	'она продает (торгует)'	<i>d-b-ɔ-g dī-yu p</i>	'я продаюсь (продаю себя)'
парадигмы с версионными аффиксами Б			
<i>d-ba-ɪ-ɔŋ</i>	'я вздрагиваю'	<i>d-ba-ɣa-b-ɔŋ</i>	'я надеваю это'
<i>gy-ku-ɪ-ɔŋ</i>	'ты вздрагиваешь'	<i>gy-ku-ɣa-b-ɔŋ</i>	'ты надеваешь это'
<i>d-bu-ɪ-ɔŋ</i>	'он вздрагивает'	<i>d-bu-ɣa-b-ɔŋ</i>	'он надевает это'
<i>da-bu-ɪ-ɔŋ</i>	'она вздрагивает'	<i>da bu-ɣa-b-ɔŋ</i>	'она надевает это'

Отрицание выражается с помощью частицы *byn* перед соответствующим словом *byn' ayte²* 'не хорошо', *bu byn' u:nde* 'она не ушла'. В формах императива употребляется частица *aiá*: *aiá ɣa:bd'ay* 'не заходи!'. Форме *ise* 'есть, имеется' соответствует отрицательная форма *by:se* 'нет, не имеется'. Кроме того, в Ю.я. отмечены отрицательные формы типа *ejbačaje* 'не трогайте меня', *ejdačaje* 'не трогайте нас'

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм. См. 2.3.4., 2.3.5., 2.3.6.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. В глагольном формообразовании Ю.я. преобладает префиксация и инфиксация, а в формообразовании имени — суффиксация (включая и предикативно оформленные имена, наречия, числительные и местоимения: *ɣɔgdu²* 'он один', *ɣɔgda²* 'она одна', *ɣa'bdí²* 'я дома', *ɣafe²* 'это дома' и т. д.).

Нефинитные формы югского глагола особыми показателями не оформляются. Причастия получают в назывной форме, в отличие от инфинитива, суффикс *-si* (мн. ч. *-sin*). *rɔbɔt* 'работать' — *rɔbɔtsi* 'работающий', *ka:r* 'воевать' — *ka:rsi* 'воюющий'. В состав югских финитных форм входят, как и в кетском языке, версионные и неверсионные личные аффиксы, аффиксы вида, времени, каузатива, императива, а также вокалические и консонантные интерфиксы и детерминативы; среди последних различаются элементы, сопровождающие субъектно-объектные показатели, и элементы, занимающие определенный порядок в словоформе и участвующие в образовании прерывных основ. Югские финитные формы строятся по тем же четырем основным моделям, которые указаны для кетского языка (ср. статью «Кетский язык»):

- 1) .. + R (простые глаголы): *dip-čaŋ* 'я ташу это (волоком)'
- 2) ... + Det + ... + R (простые глаголы с детерминативами): *dī-ɔ-ar-čaŋ* 'я ташу и ташу это (волоком)';
- 3) . + (R₃) + R₂ + ... + R₁ (сложные глаголы): *d-ar-taŋ-ua-geŋ* 'я наружу эти (вещи) вытаскиваю';

4) ... + (R₃) + R₂ + ... + Det † ... + R₁ (сложные глаголы с детерминативами): *d-igda-č-ar-čaŋ* 'я к берегу это таскаю'.

Инкорпоративные комплексы представляют собой модели 3 и 4: *at yuʔs dibbeŋ* > *diyussigŋ* 'я чум делаю'.

2.5.2. В Ю.я., как и в других енисейских языках, собственно деривационная система не сформировалась окончательно. На основе словосложения в языке постепенно развивалась полуаффиксация. Основанием для такого заключения служат структурно-семантические модели определительного словосложения, в которых один и тот же составной компонент сложного слова выступает в целой группе слов, образуя устойчивый семантический ряд, напр.: *yajgit* 'лосенок', *bll'git* 'утенок', *digit* 'орленок', *yəjgit* 'медвежонок' и т. д., где *-git* < *keʔt* 'человек'. Имеющиеся в Ю.я. словообразовательные аффиксы существительных (*-s/-si*, *-ŋ*), прилагательных (*-čouŋ*, *-ej*, *-ŋ*) и глаголов (*f*, *g*, *s*, *y*, *e*, *ŋ*) восходят к словоизменительным морфемам.

2.5.3. Ю.я., как и другие енисейские языки, следует причислять к языкам номинативной типологии, хотя в них сохранились остаточные явления эргативного и активного строя.

Общая схема расположения субъектно-объектных показателей в структуре глагольной словоформы совпадает с порядком расположения соответствующих членов предложения: подлежащее — прямой объект — сказуемое, или: прямой объект — подлежащее — сказуемое. В атрибутивной синтагме определяемое располагается за определяющим (в конструкции с родительным падежом этот порядок сохраняется).

Вопрос оформляется в Ю.я. с помощью вопросительных слов и/или интонации: *Tuda i:s ugys?* 'Это рыба твоя?'; *Assa ab dylatnaŋ kubaŋ is?* 'Что моих детей ругаешь?'

2.5.4. В отличие от кетского, в Ю.я. почти не отмечены случаи оформления придаточного предложения падежными показателями и послелогами. В Ю.я. простые предложения организуются в сложные: (1) с помощью интонации, (2) с помощью некоторых наречий, выступающих в роли союзов, (3) с помощью союзов, заимствованных из русского языка: *ʔm dikuji:rgen, poka ʔm ičəndaŋe* 'Мы разговаривали, пока не уснули', *ʔ:d' datərgə, a saʔy ʔm ditərgə* 'Соболя я видел, а белку я не видел'; *Askej bam də ne, abaq byle dəŋ sykŋ* 'Когда умерла моя мать, мне было три года'.

2.6.0. Значительная часть лексики Ю.я., которая имеет параллели в уральских и алтайских языках, несомненно, отражает древнейшие контакты енисейских языков. Из более поздних достоверных заимствований в Ю.я. следует отметить селькупские и некоторые тюркские. Самыми поздними являются русские заимствования, число которых не поддается точному учету. Практически любое наименование, необходимость в котором была обусловлена новейшими преобразованиями в жизни югов, при его отсутствии в Ю.я., заимствовалась из русского языка.

2.7.0. См. 1.2.1.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеевко Е. А. К вопросу о так называемых кетах-югах // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

Вернер Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам // Языки и топонимия. Томск, 1977, вып. 4.

Вернер Г. К. Акцентуация глагольных парадигм в языке сымских кетов (югов) // Языки и топонимия Томск, 1980, вып. 7.

Вернер Г. К. О диалектном членении языка сымских кетов // Учен. зап. Омского пединститута, вып. 52 // Вопр. филологии, Омск, 1969

Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968
 Крейнович Е. А. Кетский язык // Языки Азии и Африки М., 1979

Крейнович Е. А. Об изучении языка сымских кетов // ВЯ, 1969, № 2
 Werner H. Das Jugsische (Sjyn-Ketsche) (в печати)

Г. К. Вернер

КОТТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Коттский язык (К.я.) — язык одной из южных енисейских народностей с самоназванием *kottuen* 'котты'. В деловых документах XVII в. встречаются еще варианты названия этой народности «котовцы» и «кутаны» (от бурятского названия коттов *kotoj*). У Г. Ф. Миллера название *kottuen* приведено для ассанов.

1.1.2. Коттский и ассанский языки составляли близкородственную группу в составе енисейской семьи языков. Иногда их объединяют в единый ассано-коттский язык, но для этого нет достаточных оснований.

1.1.3. К.я. существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном на р. Агул. Территория его распространения в Сибири в прошлом может быть установлена по распространению коттских гидронимов; это область между р. Каном и р. Бирюсой, а также небольшая область на левобережье Средней Томи. Ареал коттских гидронимов на *-set* (*-čet*) четко ограничен от ареала ассанских гидронимов на *-il*.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Материалы М. А. Кастрена позволяют выделить в К.я. по меньшей мере два диалекта. В наличии нескольких диалектов К.я. еще больше убеждает сравнение данных М. А. Кастрена с коттскими материалами, записанными в XVIII в. Однако установить территориальное распространение диалектов К.я. за отсутствием соответствующих сведений оказывается ныне уже невозможным.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Котты представляли собой немногочисленную енисейскую народность, которая занималась охотой, рыболовством и собирательством. Ко времени прихода русских в Среднюю Сибирь котты, как и другие енисейские народности, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому говорить о каком-то особом коммуникативно-функциональном статусе или ранге К.я. не приходится.

1.3.2. Сведений о наличии в прошлом каких-либо наддиалектных форм К.я. не сохранилось.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса К.я. не имел.

1.4.0. К.я. письменности не имел.

1.5.0. О периодизации истории К.я. дошедшие до нас языковые материалы никаких сведений не содержат.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами, представлены в К.я. на всех уровнях — фонологическом, грамматическом, лексическом. Особенно сильно ощущается тюркское влияние.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968
 Крейнович Е. А. Кетский язык // Языки Азии и Африки М., 1979

Крейнович Е. А. Об изучении языка сымских кетов // ВЯ, 1969, № 2
 Werner H. Das Jugsische (Sjyn-Ketsche) (в печати)

Г. К. Вернер

КОТТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Коттский язык (К.я.) — язык одной из южных енисейских народностей с самоназванием *kottuen* 'котты'. В деловых документах XVII в. встречаются еще варианты названия этой народности «котовцы» и «кутаны» (от бурятского названия коттов *kotoj*). У Г. Ф. Миллера название *kottuen* приведено для ассанов.

1.1.2. Коттский и ассанский языки составляли близкородственную группу в составе енисейской семьи языков. Иногда их объединяют в единый ассано-коттский язык, но для этого нет достаточных оснований.

1.1.3. К.я. существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном на р. Агул. Территория его распространения в Сибири в прошлом может быть установлена по распространению коттских гидронимов; это область между р. Каном и р. Бирюсой, а также небольшая область на левобережье Средней Томи. Ареал коттских гидронимов на *-set* (*-det*) четко ограничен от ареала ассанских гидронимов на *-il*.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Материалы М. А. Кастрена позволяют выделить в К.я. по меньшей мере два диалекта. В наличии нескольких диалектов К.я. еще больше убеждает сравнение данных М. А. Кастрена с коттскими материалами, записанными в XVIII в. Однако установить территориальное распространение диалектов К.я. за отсутствием соответствующих сведений оказывается ныне уже невозможным.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Котты представляли собой немногочисленную енисейскую народность, которая занималась охотой, рыболовством и собирательством. Ко времени прихода русских в Среднюю Сибирь котты, как и другие енисейские народности, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому говорить о каком-то особом коммуникативно-функциональном статусе или ранге К.я. не приходится.

1.3.2. Сведений о наличии в прошлом каких-либо наддиалектных форм К.я. не сохранилось.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса К.я. не имел.

1.4.0. К.я. письменности не имел.

1.5.0. О периодизации истории К.я. дошедшие до нас языковые материалы никаких сведений не содержат.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами, представлены в К.я. на всех уровнях — фонологическом, грамматическом, лексическом. Особенно сильно ощущается тюркское влияние.

гы названия этой народности «котовцы» и «куланы» (от бурятского названия котлов *koton*). У Г. Ф. Мидлера название *kottuen* приведено для ассанов.

1.1.2. Коттский и ассанский языки составляли близкородственную группу в составе енисейской семьи языков. Иногда их объединяют в единый ассано-коттский язык, и для этого нет достаточных оснований.

1.1.3. К.я. существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном на р. Агуд. Территория его распространения в Сибири в прошлом может быть установлена по распространению коттских гидронимов; это область между р. Каном и р. Бирюсой, а также небольшая область на левобережье Средней Томи. Ареал коттских гидронимов на *-šet* (*-šet*) четко отграничен от ареала ассанских гидронимов на *-ul*.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Материалы М. А. Кастрена позволяют выделить в К.я. по меньшей мере два диалекта. В наличии нескольких диалектов К.я. еще больше убеждает сравнение данных М. А. Кастрена с коттскими материалами, записанными в XVIII в. Однако установить территориальное распространение диалектов К.я. за отсутствием соответствующих сведений оказывается ныне уже невозможным.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Котты представляли собой немногочисленную енисейскую народность, которая занималась охотой, рыболовством и собирательством. Ко времени прихода русских в Среднюю Сибирь котты, как и другие енисейские народности, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому говорить о каком-то особом коммуникативно-функциональном статусе или ранге К.я. не приходится.

1.3.2. Сведений о наличии в прошлом каких-либо наддиалектных форм К.я. не хранилось.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса К.я. не имел.

1.4.0. К.я. письменности не имел.

1.5.0. О периодизации истории К.я. дошедшие до нас языковые материалы пока не содержат сведений.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами представлены в К.я. на всех уровнях — фонологическом, грамматическом, лексическом. Особенно сильно ощущается тюркское влияние.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1.

Г л а с н ы е

Подъем		Ряд		
		Передний	Средний	Задний
Верхний		<i>i</i>		<i>u</i>
Средний	Закрытый	<i>e</i>		<i>o</i>
	Открытый	<i>ɛ</i>		<i>ɔ</i>
Нижний		<i>a</i> (=æ)	<i>a</i>	

присходит повышение основного тона голоса на первом слоге (напр. *tálay* — мн. ч. от 'жилка'), а при другом акцентном типе — на последнем слоге (напр., *kanśá* 'куриная трубка'). Преобладает второй тип, что и побудило М. А. Кастрена сделать вывод, что в краткосложных словах ударение всегда приходится на конец слова. В связанной особенности ударения можно предполагать сильное тюркское влияние К.я.

2.1.3. От акцентуационных условий (позиция по отношению к ударению, характер слогового тона) зависит реализация качественных и количественных признаков гласных.

Так, в безударной позиции наблюдается качественная и количественная редукция гласных вплоть до полного их исчезновения, например, в конце слов: *ša:na* > *ša:n* > *sa:n* 'позже', *aša:me* > *aša:m* 'плохо'.

По аналогии с современными енисейскими языками — кетским и югским — можно предполагать, что в К.я. первый тон реализовался на закрытом, а второй — на открытом вокалическом фонемном базисе: *hen* (= ²he²n) 'сажень', мн. ч. *he:nay* (= ¹he:nay); *noj* (= ²no²n) 'нож', мн. ч. *to:nay* (= ¹to:nay). Это хорошо подтверждается примерами *tiia e:g* (= ¹e:g) 'коза', мн. ч. *ag* (= ²a²g); *še:t* (= ¹še:t) 'лиственница', мн. ч. *šat* (= ²a²t); *ša:g* (= ¹ši:g) 'ночь', мн. ч. *šag* (= ²ša²g), в которых сужение и расширение вокала под воздействием слоговых тонов представлено достаточно наглядно.

Следует отметить дифтонгизацию вокалического фонемного базиса под воздействием ларингализации (или ларингаллизации) у второго и третьего коттских тонов: *i:g* ~ *i:x* — 'день', мн. ч. *eđkŋ* (= ²e²kŋ); *koaš* (= ²ko²š) 'красивый'; *šu²ol* (= ³šu²:ol) 'бочка'.

Из фонетических процессов в области консонантизма К.я. следует выделить следующие: (1) *ŋ* > *n* перед *š, č, t, d, s, p, d'*: *ajonŋ* 'мы' — *ajonše* 'наш'; (2) *š* > *t* перед *n*: *šalaš* 'сова' — мн. ч. *hapalam*; (3) *b* > *m* при появлении в слоге *n*: *baršiaŋ* 'толкаю', мн. ч. *naršiaŋ* 'толкнул'; (4) *ŋ, n* > *m* перед *b, p, f*: *barukŋ* 'найду', мн. ч. *ma:mpukŋ* < *ma:mpukŋ* 'нашел'; (5) *x* > *g, š* > *č* в позиции между гласными: *huš* 'лошадь' — мн. ч. *hučan*; (6) *h* > *h'* между гласными: *xelu:ča* 'шесть' < *xe:ta* 'пять' + *hu:ča* 'один'; (7) *t^h* > *t* между гласными: *t^he:g* 'ремень', но *ti-te:g* 'пояс'.

2.1.4. Преобладающими структурами слога в К.я. являются следующие: CVC, CV, VC, V. К.я., как и другие енисейские языки, избегает скопления согласных в начале и в конце слога; исключением являются лишь сочетания *-m, -kŋ* в исходе словоформ. Такая особенность слога заключается в четкой дифференциации инициалей и финалей, так, согласные *b, p^h, t^h, d', q, č, h* встречаются только в начале слога, согласные *m, n, ŋ, l, r, ʒ, x* — только в исходе слога, и лишь *š, p, t, k* наблюдаются и в той, и в другой позиции.

Длительность в К.я. связана во многих случаях с характером слогового тона (первый и третий тон являются долгими, а второй — кратким, отрывистым): *uj* (= ²u²ŋ) 'кольцо', мн. ч. *u:jaŋ* (= ¹u:jaŋ); *pe:x* (= ¹pe:x) 'чурка', мн. ч. *pakŋ* (= ²pa²kŋ); *i:* (= ¹i:) 'лыжа', мн. ч. *eŋ* (= ²e²ŋ) и т. д. Но в других случаях, особенно в многосложных словах, где тональные различия нейтрализованы, длительность может рассматриваться как фонетически релевантный признак на уровне гласных фонем, например: *ulaj* 'ребро' — мн. ч. *ulaj* 'песня, песнопение'; *ko:ja* 'олень' — род. п. *ko:ja*.

Просодический характер носит также признак фарингализации (ларингализации), соответствующий второму и нередко третьему слоговым тонам, и обозначаемый знаком ².

2.2.0. Морфологические сведения.

2.2.1. Корневые и служебные морфемы К.я. в большинстве случаев односложны, но встречаются и дву- или трехсложные морфемы как результат заимствования или исто-

гласных вплоть до полного их исчезновения, например, в конце слов: *ča:na* > *ča:n* > *čan* 'позже', *aša:me* > *aša:m* 'шлохо'.

По аналогии с современными енисейскими языками — кетским и югским — можно предполагать, что в К.я. первый тон реализовался на закрытом, а второй — на открытом вокалическом фонемном базисе: *hen* (= ²hɛʔn) 'сажень', мн. ч. *he:nag* (= ¹he:nag); *ton* (= ²tɔʔn) 'нож', мн. ч. *to:nag* (= ¹to:nag). Это хорошо подтверждается примерами типа *e:g* (= ¹e:g) 'коза', мн. ч. *ag* (= ²aʔg); *še:t* (= ¹še:t) 'лиственница', мн. ч. *šat* (= ²šaʔt); *ši:g* (= ¹ši:g) 'ночь', мн. ч. *šag* (= ²šaʔg), в которых сужение и расширение вокализма под воздействием слоговых тонов представлено достаточно наглядно.

Следует отметить дифтонгизацию вокалического фонемного базиса под воздействием фарингализации (или ларингализации) у второго и третьего коттских тонов: *i:g* ~ *i:x* (= ¹i:x) 'день', мн. ч. *eǫg* (= ²eʔkǫg); *koš* (= ²kɔʔš) 'красивый'; *šūʔol* (= ³šūʔol) 'бочка'.

Из фонетических процессов в области консонантизма К.я. следует выделить следующие: (1) *ŋ* > *n* перед *i*, *ɛ*, *t*, *d*, *s*, *p*, *d*: *ajŋ* 'мы' — *ajonše* 'нам'; (2) *š* > *t* перед *n* *hapalaš* 'сова' — мн. ч. *hapalan*; (3) *b* > *m* при появлении в слове *n*: *batʰiaŋ* 'толкаю', *manatʰiaŋ* 'толкнул'; (4) *ŋ*, *n* > *m* перед *b*, *p*, *f*: *barukŋ* 'найду', *matrukŋ* < *matrukŋ* 'нашел'; (5) *x* > *g*, *š* > *č* в позиции между гласными: *huš* 'лошадь' — мн. ч. *hučan*; (6) *h* > *ʃ* между гласными: *xelu:ča* 'шесть' < *xe:la* 'пять' + *hu:ča* 'один'; (7) *ʃ* > *t* между гласными: *tʰe:g* 'ремень', но *ti-te:g* 'пояс'.

2.1.4. Преобладающими структурами слога в К.я. являются следующие: CVC, CV, VC, V. К.я., как и другие енисейские языки, избегает скопления согласных в начале и в конце слога; исключением являются лишь сочетания *-tn*, *-kŋ* в исходе словоформ. Другая особенность слога заключается в четкой дифференциации инициалей и финалей; так, согласные *b*, *pʰ*, *ʃ*, *d*, *q*, *č*, *h* встречаются только в начале слога, согласные *m*, *n*, *n'*, *l*, *l'*, *r*, *ŋ*, *x* — только в исходе слога, и лишь *š*, *p*, *t*, *k* наблюдаются и в той и в другой позиции.

Длительность в К.я. связана во многих случаях с характером слогового тона (первый и третий тон являются долгими, а второй — кратким, отрывистым): *uj* (= ¹uʔŋ) 'кольбель', мн. ч. *u:jaŋ* (= ¹u:jaŋ); *pe:x* (= ¹pe:x) 'чурка', мн. ч. *pakŋ* (= ²paʔkŋ); *i*: (= ¹i) 'лыжа', мн. ч. *eŋ* (= ²eʔŋ) и т. д. Но в других случаях, особенно в многосложных словах, где тональные различия нейтрализованы, длительность может рассматриваться как фонологически релевантный признак на уровне гласных фонем, например: *ulaj* 'ребро' — *ula:j* 'песня, песнопение'; *ko:ja* 'олень' — род. п. *ko:ja*.

Просодический характер носит также признак фарингализации (ларингализации), сопутствующий второму и нередко третьему слоговым тонам, и обозначаемый знаком ʔ.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Корневые и служебные морфемы К.я. в большинстве случаев односложны, но встречаются и дву- или трехсложные морфемы как результат заимствования или исторического словосложения с последующей десемантизацией тех или иных составных компонентов. Морфемы могут состоять и из одной фонемы, гласной или согласной.

2.2.2. Сведений нет.

2.2.3. См. 2.1.3., другие сведений нет.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По строению глагольных словоформ К.я. в целом может быть охарактеризован как язык агглютинативного типа, в морфологии которого представлена суффиксация, инфиксация и, в меньшей мере, чем в кетском и югском, префиксация.

13.4. В К.я. устанавливается 9 падежей.

Падежные показатели

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	муж.	жен., вещ.	невещ.	вещ.
Абсолютный	∅	∅	∅	∅
Родительный	-a	-i	-ŋ	-i
Дательный	-a-ʔa	-iŋa	-ŋa	-iŋa
Местный	-a:ha:t	-iha:t	-ŋha:t/ŋat	-iha:t
Исходный	-a:čaŋ	-ičaŋ	-nčaŋ	-ičaŋ
Инструментальный	-o:	-o:	-o:	-o:
Совместный	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)
Лишительный	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un
Сравнительный	-baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš

Все эти падежные формы, кроме инструментальной, отмечены М. А. Кастреном и для личных местоимений К.я. Автор не назвал, однако, в своем перечне лишительный и сравнительный падежи, хотя свидетельств наличия в К.я. приводит в своей книге достаточно: *aŋ* 'я' — *aŋfun* 'без меня'; *tagaŋ* 'голова' — *tagaŋfun* 'без головы'; *čal* 'острие' — *čalfun* 'тулой' (т. е. 'без острия'); *alšip* 'собака' — *alšipbaš* 'как собака, собаке подобный'.

Помимо падежных форм значение локативности еще выражалось послеложными конструкциями, а possessивности — формами притяжательного («лично-го») склонения типа соответствующих кетских форм. М. А. Кастрен не отметил эти формы ни в кетско-югском, ни в коттском, но некоторые данные все же позволяют предполагать их наличие в К.я. Так, назальный призвук *ŋ* в экскурсии некоторых слов можно рассматривать как реликт притяжательного префикса 1-го лица ед. числа *ŋ*, что, кстати, подтверждают параллельные формы *ʔjeəŋ* ~ *ʔajeəŋ* 'хочу' (букв. 'мое желание') у Кастрена. Кроме того, принадлежность выражалась с помощью притяжательных местоимений. Правда, М. А. Кастрен приводит только предикативные формы этих местоимений типа *anše* 'мой', *aiše* 'твой' и т. д., но, учитывая полную аналогию с кетскими формами, можно предполагать в К.я. и наличие атрибутивных форм типа *aŋ alit* 'моя жена', *ai alit* 'твоя жена'.

2.3.5. Переходность / непереходность устанавливается, как правило, по рядам личных показателей в структуре глагольной словоформы: при наличии одного ряда показателей (лица субъекта действия) глагольная словоформа является непереходной, при наличии субъектного и объектного ряда — переходной, ср.:

<i>aš-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я бью'	<i>aš-a-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я его бью'
<i>aš-ʔa:ta-i</i>	'ты бьешь'	<i>aš-i-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я тебя бью'
<i>aš-ʔa:ta-x-∅</i>	'он бьет'	<i>aš-a:n-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я их бью'

Из форм с залоговым значением уже М. А. Кастреном были выделены формы пассива, ср. *ačan^hakŋ* 'я ловлю', *ačan^holo:kŋ* 'я ловил', но: *ačan^hola:ʔki* 'пойман (любое лицо)'. Формы пассива имеют значение результативности (достигнутого состояния). Имеются также каузативные формы с аффиксами *-k/-g-*, *-č-*, ср.: *hata-k-ʔa:kŋ* 'грею я', *hata-g-a:kŋ* 'греюсь я', *hata-č-eŋ* 'развести огонь', а также с аффиксом *-ʔ-*, как в случае *ušju:a:kŋ* 'я плаваю' — *ušju:a-ʔa:kŋ* 'я заставляю его плавать'.

Видовые значения выражаются показателями *-r/-l-* (имперфективность) и *-n-* (перфективность), ср.: *barikŋ* 'я найду это', *ma:trikŋ* < *ba:trikŋ* 'я нашел это' —

Местный	-a.ʃa:t	-i.ʃa:t	-ʃha:t/ʃa:t	-i.ʃa:t
Исходный	-a.čag	-i.čag	-n.čag	-i.čag
Инструментальный	-o:	-o:	-o:	-o:
Совместный	-oŷ(-aŷ)	-oŷ(-aŷ)	-oŷ(-aŷ)	-oŷ(-aŷ)
Лишительный	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un
Сравнительный	baŷ-paŷ	baŷ-paŷ	baŷ-paŷ	baŷ-paŷ

Все эти падежные формы, кроме инструментальной, отмечены М. А. Кастреном и для личных местоимений К.я. Автор не назвал, однако, в своем перечне лишительный и сравнительный падежи, хотя свидетельств наличия в К.я. приводит в своей книге достаточно: *aj* 'я' — *ajfun* 'без меня'; *tagaj* 'голова' — *tagajfun* 'без головы'; *čal* 'острие' — *čalfun* 'тупой' (т. е. 'без острия'); *alsip* 'собака' — *alsipbaŷ* 'как собака, собаке подобный'.

Помимо падежных форм значение локативности еще выражалось последними конструкциями, а possessивности — формами притяжательного («личного») склонения типа соответствующих кетских форм. М. А. Кастрен не отметил эти формы ни в кетско-югском, ни в котском, но некоторые данные все же позволяют предполагать их наличие в К.я. Так, назальный призвук *ʃ* в экскурсии некоторых слов можно рассматривать как реликт притяжательного префикса 1-го лица ед. числа *ʃ*, что, кстати, подтверждают параллельные формы *ʃajeān* ~ *ʃajieān* 'хочу' (букв. 'мое желание') у Кастрена. Кроме того, принадлежность выражалась с помощью притяжательных местоимений. Правда, М. А. Кастрен приводит только предикативные формы этих местоимений типа *anŷe* 'мой', *auŷe* 'твой' и т. д., но, учитывая полную аналогию с кетскими формами, можно предполагать в К.я. и наличие атрибутивных форм типа *aj alit* 'моя жена', *au alit* 'твоя жена'.

2.3.5. **Переходность/непереходность** устанавливается, как правило, по рядам личных показателей в структуре глагольной словоформы при наличии одного ряда показателей (лица субъекта действия) глагольная словоформа является непереходной, при наличии субъектного и объектного ряда — переходной, ср.

<i>aŷ-i^ha:taŷ-ag</i>	'я бью'	<i>ač a-i^ha:taŷ-au</i>	'я его бью'
<i>aŷ-i^ha:ta-u</i>	'ты бьешь'	<i>ač-u-i^ha:taŷ-ag</i>	'я тебя бью'
<i>aŷ-i^ha:ta-θ</i>	'он бьет'	<i>ač a-n-i^ha:taŷ-ag</i>	'я их бью'

Из форм с залоговым значением уже М. А. Кастреном были выделены формы пассива, ср. *ačant^hakŷ* 'я ловлю', *ačant^holo:kŷ* 'я ловил', но. *ačant^hola:ʔki* 'пойман (любое лицо)'. Формы пассива имеют значение результативности (достигнутого состояния). Имеются также каузативные формы с аффиксами *-k/-g-*, *-č-*, ср.: *hata-k^ha:kŷ* 'грею я', *hata-g-a:kŷ* 'греюсь я', *hata-č-ej* 'развести огонь', а также с аффиксом *-i^h-*, как в случае *ulŷuja:kŷ* 'я плаваю' — *ulŷuja:i^ha:kŷ* 'я заставляю его плавать'.

Видовые значения выражаются показателями *-r/-l-* (имперфективность) и *-l-* (перфективность), ср.: *barikŷ* 'я найду это', *ma:mpikŷ* < *ba:mpikŷ* 'я нашел это' — *baŷi:taŷ* 'я ищу это', *balagi:taŷ* 'я искал это'. Можно предполагать наличие в К.я. различных способов действия, как в кетском и югском языках.

В К.я. представлено четыре наклонения, как в кетском и югском: видкатив, императив, ирреалис и эксортатив; из них два последних выражаются аналитически. Императив представлен формами 2-го лица ед. и мн. числа, которые различаются в зависимости от вида, версии, способа действия и т. д. *uag* 'я уйду', *uau* 'ты уйдешь' —

стоящего времени выполняли и функции будущего времени; кроме того, М. А. Кастрен указывает на формы с *-d'aj/-d'ax*, имевшие значение футурума, ср. формы от слова *hama*: 'хорошо':

<i>hama:taŋ</i>	'я хороший (есть)'	<i>hama:d'ŋaj</i>	'я хорошим буду'
<i>hama:ni</i>	'ты хороший (есть)'	<i>hama:d'ai</i>	'ты хорошим будешь'
<i>hama:ti</i>	'он хороший (есть)'	<i>hama:d'ax</i>	'он хорошим будет'
<i>hama:ta</i>	'она хорошая (есть)'	(?)	
<i>hama:toŋ</i>	'мы хорошие (есть)'	<i>hama:d'ŋekanton</i>	'мы хорошими будем'
<i>hama:toŋ</i>	'вы хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekanton</i>	'вы хорошими будете'
<i>hama:ʔiaŋ</i>	'они хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekan</i>	'они хорошими будут'

Отрицание выражается аналитически с помощью частицы *ton*: *ton fo:gaŋ* 'я не возьму'; а также *ton ūna* 'ничто', *ton aŋig(x)*, *ton bil'āŋ* 'никто', *ton bili* 'нигде', *ton bil'niŋ* 'никуда', *ton he'et* 'никогда'. В формах императива употребляется частица *bo*:, напр.: *bo: fo:gi* 'не бери!', *bo: fo:ganon* 'не берите!'. Кроме того, форме *hi:ga* 'есть; имеется' противостоит форма *to:nča* 'нет; не имеется'.

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм.

В К.я., как и в кетском, наблюдается большое разнообразие типов глагольного спряжения. Поэтому ограничимся иллюстрацией парадигм глаголов переходной и непереходной семантики.

Спряжение непереходного глагола (*ajaja:k* 'играть')

<i>ajaja:ky</i>	'я играю'	<i>ajajolo:ky</i>	'я играл'
<i>ajaja:ku</i>	'ты играешь'	<i>ajajolo:gu</i>	'ты играл'
<i>ajaja:k</i>	'он(а) играет'	<i>ajajolo:k</i>	'он(а) играл(а)'
<i>ajaja:ganton</i>	'мы играем'	<i>ajajolo:ganton</i>	'мы играли'
<i>ajaja:ganon</i>	'вы играете'	<i>ajajolo:ganon</i>	'вы играли'
<i>ajaja:kan</i>	'они играют'	<i>ajajolo:gan</i>	'они играли'
<i>ajaja:lček</i>	'играй!'	<i>ajaja:lčeganon</i>	'играйте!'

Спряжение переходного глагола (*hama:ʔa:k* 'любить')

<i>hamaʔaʔa:ky</i>	'я люблю его'	<i>hamaʔaʔolo:ky</i>	'я любил его'
<i>hamaʔaʔa:ku</i>	'ты любишь его'	<i>hamaʔaʔolo:ku</i>	'ты любил его'
<i>hamaʔaʔa:k</i>	'он(а) любит его'	<i>hamaʔaʔolo:k</i>	'он(а) любил(а) его'
<i>hamaʔaʔa:kanton</i>	'мы любим его'	<i>hamaʔaʔolo:kanton</i>	'мы любили его'
<i>hamaʔaʔa:kanon</i>	'вы любите его'	<i>hamaʔaʔolo:kanon</i>	'вы любили его'
<i>hamaʔaʔa:kan</i>	'они любят его'	<i>hamaʔaʔolo:kan</i>	'они любили его'
<i>hamaʔantʔa:ku</i>	'ты любишь меня'	<i>hamaʔantʔolo:ku</i>	'ты любил меня'
<i>hamaʔantʔa:kanon</i>	'вы любите меня'	<i>hamaʔantʔolo:kanon</i>	'вы любили меня'
<i>hamaʔaʔa:kn</i>	'я люблю тебя'	<i>hamaʔaʔolo:ky</i>	'я любил тебя'
<i>hamaʔaʔa:kanton</i>	'мы любим тебя'	<i>hamaʔaʔolo:kanton</i>	'мы любили тебя'
<i>hamaʔantʔa:ky</i>	'я люблю вас'	<i>hamaʔantʔolo:ky</i>	'я любил вас'
<i>hamaʔantʔa:kanton</i>	'мы любим вас'	<i>hamaʔantʔolo:kanton</i>	'мы любили вас'
<i>hamaʔantʔa:ku</i>	'ты любишь нас'	<i>hamaʔantʔolo:ku</i>	'ты любил нас'
<i>hamaʔantʔa:kanon</i>	'вы любите нас'	<i>hamaʔantʔolo:kanon</i>	'вы любили нас'
<i>hamaʔantʔa:lček</i>	'любите меня!'	<i>hamaʔantʔa:lčekanon</i>	'любите меня!'
<i>hamaʔaʔa:lček</i>	'любите его!'	<i>hamaʔaʔa:lčekanon</i>	'любите его!'
<i>hamaʔantʔa:lček</i>	'любите нас!'	<i>hamaʔantʔa:lčekanon</i>	'любите нас!'

<i>hama:ta</i>	'она хорошая (есть)	(?)	
<i>hama:toŋ</i>	'мы хорошие (есть)	<i>hama:d'əjekantop</i>	'мы хорошими будем'
<i>hama:oŋ</i>	'вы хорошие (есть)	<i>hama:d'əjekanon</i>	'вы хорошими будете'
<i>hama:ʔtaŋ</i>	'они хорошие (есть)	<i>hama:d'əjekan</i>	'они хорошими будут'

Отрицание выражается аналитически с помощью частицы *ton ton fo ɣaj* 'я не возьму'; а также *ton ina* 'ничто', *ton aŋig(x)*, *ton bil'əŋ* 'никто', *ton bili* 'нигде', *ton bil'uiŋ* 'никуда', *ton he'et* 'никогда'. В формах императива употребляется частица *bo:*, напр.: *bo: fo:ɣu* 'не бери!', *bo: fo:ganon* 'не берите!'. Кроме того, форме *hičo:ga* 'есть; имеется' противопоставит форма *to:nəa* 'нет; не имеется'.

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм.

В К.я., как и в кетском, наблюдается большое разнообразие типов глагольного спряжения. Поэтому ограничимся иллюстрацией парадигм глаголов переходной и непереходной семантики.

Спряжение непереходного глагола (*aŋa:k* 'играть')

<i>aŋa:kŋ</i>	'я играю'	<i>aŋa:olo:kŋ</i>	'я играл'
<i>aŋa:kku</i>	'ты играешь'	<i>aŋa:olo:ɣu</i>	'ты играл'
<i>aŋa:k</i>	'он(а) играет'	<i>aŋa:olo:k</i>	'он(а) играл(а)'
<i>aŋa:ɣanton</i>	'мы играем'	<i>aŋa:olo:ɣanton</i>	'мы играли'
<i>aŋa:ɣanon</i>	'вы играете'	<i>aŋa:olo:ɣanon</i>	'вы играли'
<i>aŋa:kan</i>	'они играют'	<i>aŋa:olo:ɣan</i>	'они играли'
<i>aŋa:lček</i>	'играй!'	<i>aŋa:lčekanon</i>	'играйте!'

Спряжение переходного глагола (*hama:ʔa:k* 'любить')

<i>hama:ʔa:kŋ</i>	'я люблю его'	<i>hama:ʔa:olo:kŋ</i>	'я любил его'
<i>hama:ʔa:kku</i>	'ты любишь его'	<i>hama:ʔa:olo:ku</i>	'ты любил его'
<i>hama:ʔa:k</i>	'он(а) любит его'	<i>hama:ʔa:olo:k</i>	'он(а) любил(а) его'
<i>hama:ʔa:kanon</i>	'мы любим его'	<i>hama:ʔa:olo:kanon</i>	'мы любили его'
<i>hama:ʔa:kanon</i>	'вы любите его'	<i>hama:ʔa:olo:kanon</i>	'вы любили его'
<i>hama:ʔa:kan</i>	'они любят его'	<i>hama:ʔa:olo:kan</i>	'они любили его'
<i>hama:ʔant'a:ku</i>	'ты любишь меня'	<i>hama:ʔant'a:olo:ku</i>	'ты любил меня'
<i>hama:ʔant'a:kanon</i>	'вы любите меня'	<i>hama:ʔant'a:olo:kanon</i>	'вы любили меня'
<i>hama:ʔuʔa:kn</i>	'я люблю тебя'	<i>hama:ʔuʔa:olo:ku</i>	'я любил тебя'
<i>hama:ʔuʔa:kanon</i>	'мы любим тебя'	<i>hama:ʔuʔa:olo:kanon</i>	'мы любили тебя'
<i>hama:ʔont'a:kŋ</i>	'я люблю вас'	<i>hama:ʔont'a:olo:kŋ</i>	'я любил вас'
<i>hama:ʔont'a:kanon</i>	'мы любим вас'	<i>hama:ʔont'a:olo:kanon</i>	'мы любили вас'
<i>hama:ʔont'a:ku</i>	'ты любяшь нас'	<i>hama:ʔont'a:olo:ku</i>	'ты любил нас'
<i>hama:ʔont'a:kanon</i>	'вы любите нас'	<i>hama:ʔont'a:olo:kanon</i>	'вы любили нас'
<i>hama:ʔant'a:lček</i>	'люби меня!'	<i>hama:ʔant'a:lčekanon</i>	'любите меня!'
<i>hama:ʔaʔa:lček</i>	'люби его!'	<i>hama:ʔaʔa:lčekanon</i>	'любите его!'
<i>hama:ʔont'a:lček</i>	'люби нас!'	<i>hama:ʔont'a:lčekanon</i>	'любите нас!'

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. И в именной, и в глагольной морфологии К.я. предпочтение отдается суффиксации: нередко используется и инфлексия, особенно в словоформах переходного глагола, и лишь в редких случаях наблюдается префиксация, напр., *i-te:naj* 'я ложусь' - *al-te:naj* 'я лег'; *d'a:-te:n* 'он ложится' — *al-a:-te:n* 'он лег'.

а) как правило, сложные предложения характеризовались отсутствием специальных материальных скреп, например: *Uju irkolok, e:ča:npenlok* 'Он умылся, [он] лег спать'; б) с развитием гипотаксиса некоторые наречия и послелоги начинают употребляться в роли союзов; так, М. А. Кастрен приводит 14 коттских союзов, из которых почти половина заимствована из русского языка: *huš da t'i:gä* 'конь да корова'.

2.6.0. Как показывают специальные исследования по лексике К.я., основную массу заимствований составляют слова тюркского происхождения, что обусловлено длительными историческими контактами коттов с соседними южносибирскими тюркскими народами. Тюркские заимствования отражают новые направления в хозяйственной деятельности и связанные с ними изменения в быте. Это, как правило, лексика, обозначающая домашних животных (*aškar* 'жеребец', *kulun* 'жеребенок', *koi* 'овца', *šoška* 'сви́нья', *tabat* 'верблюд', *boga* 'бык' и др.), масти лошадей (*tor* 'гнедой', *šar* 'соловый', *ala* 'легий' и др.), хозяйственного инвентаря (*kamču* 'бич', *ku:ra* 'ремень', *balču* 'топор', *kaleš* 'меч' и т. д.), продуктов питания (*talgan* 'мука', *itpak* 'хлеб', *šut* 'молоко', *kajax* 'масло' и др.) и проч. Многие заимствования в К.я. восходят к глубокой древности, и точно определить язык-источник не всегда удается. Часть из них является, очевидно, самодийской, другая часть — алтайской. Легче всего вычленяется лексика, заимствованная из русского языка: *boronita:k* 'боронить', *ašig n'ebut* 'кто-нибудь', *ona:ko* 'о́днако', *uš* 'уже', *koleška* 'кольцо', *štobi* 'чтобы', *peš* 'печь' и др.

2.7.0. См. 1.2.1.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Учен. зап. Томского пединститута, 1959, 1 18.
- Дульзон А. П. Словарные материалы 18 в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского пединститута, 1961, т. 19, вып. 2.
- Поротова Т. И. Кетско-коттские параллели в области числа существительных // Происхождение борнгенов Сибири и их языков. Томск, 1973.
- Старостин Г. С. Морфология коттского глагола и реконструкция праенисейской глагольной системы // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
- Тимошина Л. Г. Тюркские заимствования в коттском языке // Советская тюркология, 1978, № 3.
- Bouda K. Das kottische Verbum // Beiträge zur Kaukasischen und Sibirischen Sprachwissenschaft. 2. Leipzig, 1937, Bd. 22, 4.
- Castrén M. A. Versuch einer jenessei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.